

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(НИУ «БелГУ»)**

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ И ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ**

**СПЕЦИФИКАЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РИМСКИХ ЕПИСКОПОВ
С ВАРВАРАМИ В ПЕРИОД ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ (IV - VI вв.)**

Выпускная квалификационная работа
обучающейся по направлению подготовки
46.04.01 История России в контексте мировой истории
заочной формы обучения, 02031455 группы
Кошукова Андрея Викторовича

Научный руководитель
кандидат исторических наук,
доцент Е. В. Литовченко

Рецензент
кандидат исторических наук,
доцент Оноприенко И.Г.

БЕЛГОРОД 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1.РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ И ВАРВАРСКИЕ ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ	13
1.1. Римская империя в период поздней античности: система взаимоотношений с варварами	13
1.2. Христианизация Римской империи и варварских народов в IV веке	33
ГЛАВА 2. РИМСКИЕ ЕПИСКОПЫ И ВАРВАРЫ В IV- V ВЕКАХ	53
2.1. Духовные и светские обязанности римских епископов.....	53
2.2. Взаимоотношения римских епископов и варваров в IV- V веках	84
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	103
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	107
Список сокращений	118
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	119

ВВЕДЕНИЕ

Тема настоящего исследования «Специфика взаимоотношений римских епископов с варварами в период поздней античности (IV - VI вв.).

Римская империя выступает в качестве одной из активно изучаемых на протяжении всей современной исторической науки. Это в первую очередь связано с тем, что новое прочтение и последующая интерпретация ранее достаточно мало привлекаемых источников в настоящее время историкам позволяют глубже и наиболее всесторонне изучить возможные причины возникновения того исторического процесса, который в конечном итоге привел к поистине фундаментальным изменениям в жизнедеятельности мировой цивилизации. Важно отметить, что опыт и многие достижения римской цивилизации обладают универсальным характером и продолжают до сих пор оказывать определенное влияние на современную жизнь.

При этом каждое новое поколение историков данные события воспринимает по-новому, нередко соизмеряя их с определенными историческими событиями современной жизни общества. Это в первую очередь связано с тем, что многие кризисные ситуации современного мира выступают в качестве своеобразного стимула для оживления таких значимых проблем как, например, падение Западной Римской империи, а также упадок древних обществ и некогда процветающих цивилизаций. Тем не менее, проблему падения Западной Римской империи, христианизация Римской империи и варварских народов, деятельность римских епископов, а также кардинальную смену типа цивилизации рассматривать можно в двух аспектах, а именно: глазами подлинных свидетелей, современников событий периода IV – VI вв. н.э., а также глазами современных исследователей. В названный период немаловажную роль в исторической жизни Римской империи играет институт епископов и складывающиеся их взаимоотношения с варварами. Кроме этого, именно епископы сыграли роль посредников в

передаче ментальных основ и культурного наследия через призму христианства варварам и это, в свою очередь, обусловило именно тот облик европейской цивилизации, который мы знаем.

Несмотря на важность взаимоотношений римских епископов с варварами в период поздней античности для последующей судьбы Римской империи, исследователи данному вопросу, к сожалению, не уделили должного внимания, а также целостного исследования проведено не было.

Важность изучения взаимоотношений римских епископов с варварами в период поздней античности для верного понимания происходящих в Римской империи политических и общественных процессов, а также недостаточная изученность данного вопроса делает рассмотрение темы «Специфика взаимоотношений римских епископов с варварами в период поздней античности (IV - VI вв.)» **актуальным**.

Объект исследования – взаимоотношения Римской империи и варварских государств в период поздней античности.

Предмет исследования – особенности взаимоотношений римских епископов с варварами в IV – VI вв.

Хронологические рамки данной дипломной работы IV – VI в. н.э. Они обусловлены тем, что именно в этот период меняется роль епископов и их взаимоотношение с варварами на фоне процесса христианизации приобретает качественно новый оттенок.

Территориальные рамки – западные провинции Империи, где, преимущественно был распространен латинский язык.

Целью данной работы является рассмотрение процессов взаимовлияния Римской империи и варварских государств в период поздней античности, а также раскрытие специфики взаимоотношений римских епископов с варварами в IV – VI вв. Названная цель реализуется путем постановки и осуществление следующих **задач**:

- рассмотреть систему взаимоотношений с варварами Римской империи в период поздней античности;
- изучить процесс христианизации Римской империи и варварских народов в IV веке;
- выявить духовные и светские обязанности римских епископов;
- описать взаимоотношения римских епископов и варваров в IV- V веках.

Научная и практическая значимость данного исследования заключается в расширении представлений о Римской империи и варварских государствах в период поздней античности. Кроме этого, содержащийся в исследовании материал может быть использован в процессе разработки курсов лекций по истории Древнего Рима и варварских государств, для подготовки как спецкурсов, так и спецсеминаров по истории Римской церкви и христианства, а также для дальнейших исследований взаимоотношений римских епископов и варваров в IV- V веках.

Источники.

Основные письменные источники по изучаемой проблеме условно можно разделить на три группы.

Первую группу составляют труды римских историков IV- V вв. Они дают нам исходные данные и позволяют проследить генезис и эволюцию Римской империи, римской церкви и варварских народов. Здесь можно выделить работы крупнейшего позднеримского историка Аммиана Марцеллина¹, труд Зосима «Новая история»², работы Ю. Цезаря³, И. Лида⁴,

¹ Аммиан Марцеллин: Ammiani Marcellini. Res Gestae / Ed. W. Seyfart. – Leipzig, 1978. Рус. пер.: Аммиан Марцеллин. История. В 3-х тт. - Киев, 1906 - 1908. Пер. Ю. Кулаковского и А. Сонни. - 317, 303, 326 с. = 946 с.; Аммиан Марцеллин. Римская история. - СПб., 1994. - 578 с. (переизд. 1996 и др. стереотипно).

² Зосим: Zosimus. Historia nova / Ed. L. Mendelsohn. – Lips., 1887. Рус. пер. Н.Н. Болгова (Зосим. Новая история. - Белгород, 2010. – 342 с.)

³ Цезарь Г.Ю. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне / пер. и коммент. М.М. Покровского. М., 1993. 570 с.

⁴ Иоанн Лид. О должностях Римского государства. Кн. I / пер. М.М. Сеницы; под ред. Н.Н. Болгова // Классическая и византийская традиция. 2014. Белгород, 2014. С. 287 – 320.

Иоанна Лидийца⁵, «Историю против язычников» Павла Орозия⁶, «Историю» Евнапий Сардиец⁷, работу по истории церкви Филостория⁸, «История Франков» Григория Турского⁹, «Хроники» Иоанна Малала¹⁰.

Вторую группу составляют литературные и эпистолярные источники авторов IV – VI вв. Они особенно важны, так как в них прослеживается деятельность и помыслы епископов названного периода. Среди них особую ценность представляют «Письма» Квинта Аврелия Симмахи¹¹, письма Сидония Аполлинария, труды Синезия Киренского¹² и Павлина Ноланского¹³, Тациана Сириеца¹⁴, и др.

Третью группу составляют христианские письменные памятники. Именно они показывают нам внутреннюю жизнь христианского мира и те правила и законы, на основе которых функционировала Церковь. В числе них можно назвать Правила святого поместного собора Анкирского¹⁵, Правила

⁵ *Иоанн Лид.* О должностях Римского государства. Кн. I / пер. М.М. Синеицы; под ред. Н.Н. Болгова // Классическая и византийская традиция. 2014. Белгород, 2014. С. 287—320.

⁶ Павел Орозий. История против язычников. – СПб., 2004. – 544 с.

⁷ *Эвнапий Сардиец.* История // Византийские историки: Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Магистр, Менандр, Кандид Исавр, Ноннос и Феофан Византиец / пер. Г.С. Дестуниса. СПб., 1860. С. 78 – 168.

⁸ *Филосторгий.* Сокращение «Церковной истории». пер. с древнегреч. В.А. Дорофеевой // Церковные историки IV—V веков / сост. М.Ф. Высокий, М. А. Тимофеев; пер. с лат. М.Ф. Высокого, В.А. Дорофеевой. пер. с древнегреч. В.А. Дорофеевой. М., 2007. 624 с.

⁹ *Григорий Турский:* Gregorii Turonensis. Opera omnia / Ed. W. Arndt, B. Krush // MGH. SRM. – Hannoverae, 1884-1885. – Т. 1. Рус. пер.: Григорий Турский. История франков. М., 1987. Пер. В.Д. Савуковой. 462 с.

¹⁰ *Истрин В.М.* Пятая книга «Хроники» Иоанна Малалы // Летопись историко-филологического общества при Новороссийском университете. Одесса, 1910. Т.9. С. 1-15.

¹¹ *Симмах.* Письма / пер. И.П. Стрельниковой // Памятники позднего античного ораторского и эпистолярного искусства. М., 1964. С. 205-212.

¹² *Синезий Киренский.* Полное собрание творений - Том 2 – Письма пер. древнегреч. Т. Г. Сидаша. – СПб.: Издат. проект «Квадривиум», 2014. – 456 с.

¹³ Письма стихотворные. пер.с лат.: М.Л. Гаспаров и Ф.А.Петровский // Памятники средневековой латинской литературы IV–X веков. – М.: Наука, 1970. С. 98 – 160.

¹⁴ *Тациан, Сириец.* Речь против эллинов // Писания мужей апостольских / введ., пер. и прим.: прот.П. П.Преображенский. – СПб., 1895. Репринт изд. с дополнениями свящ. В.Асмуса и А.Г. Дунаева. - Рига, 1992. 244 с.

¹⁵ Труды Иеронима Стридонско. Пер. с латыни Н. Холмогоровой / под ред/ М, Касьян и Т. Миллер. М.:Знание 2001. 324 с.

Святого Поместного Собора Лаодикийского¹⁶, Послание патриархов Восточно-кафолической Церкви о православной вере¹⁷ и некоторые другие.

Отдельно мы рассматривали Кодекс Феодосия¹⁸, являющийся нормативно-правовым документом.

Таким образом, считаем, что объем корпуса источников является вполне достаточным для проведения интересующего нас исследования, источники репрезентативны и аутентичны.

Историография.

Рассмотрением отдельных вопросов варварских государств и Римской империи поздней античности занимались многие исследователи, среди которых можно выделить группу отечественных и зарубежных авторов.

Характеризуя группу работ отечественных авторов отметим, что в числе дореволюционных отечественных исследованиях большое внимание уделялось преимущественно истории церкви IV- VII вв. В числе таких авторов можно назвать, например, П.В. Гидулянова¹⁹, В. Кипарисова²⁰, Ф.А. Курганова²¹, А.П. Лебедева²², Ф.А. Терновского²³, И.В. Чельцов²⁴.

Отдельного внимания заслуживает работа русского историка Л.П. Карсавина²⁵ «Римская империя, христианство и варвары», центральное место

¹⁶ *Никодим (Милаш)* (еписк.) Правила Святого Поместного Собора Лаодикийского [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.pravmir.ru/library/readbook/1320>

¹⁷ Послание патриархов Восточно-кафолической Церкви о правосл. вере. 10 // Догматические послания правосл. иерархов XVII-XIX вв. о правосл. вере. М., 1900. С. 157-163.

¹⁸ Кодекс Феодосия: Theodosiani libri XVI cum constitutionibus sirmondianis et leges novellae ad Theodosianum pertinentes / Ed. Th. Mommsen, P. Meyer. - B., 1905. - Vol. I-II.

¹⁹ *Гидулянов П.В.* Восточные патриархи в период четырех первых вселенских соборов. (Из истории развития церковно-правительственной власти). Ярославль, 1908. 338 с.

²⁰ *Кипарисов В.* О свободе совести. Опыт исследования вопроса в области истории церкви и государства с I по IX вв. М., 1883. Вып. 1. С. 158–161.

²¹ *Курганов Ф.А.* Отношения между церковью и гражданской властью в Византийской империи в эпоху образования и окончательного установления характера этих взаимоотношений (353–566 гг.). Казань, 1880. 256 с.

²² *Лебедев А.П.* Духовенство Древней Вселенской Церкви: От времен апостольских до IX в.: ист. очерки / А.П. Лебедев. М., 1905. 310 с.

²³ *Терновский Ф.А.* Грековосточная церковь в период вселенских соборов. Чтения по церковной истории Византии от императора Константина великого до императрицы Феодоры (312–842). Киев, 1883. 294 с.

²⁴ *Чельцов И.В.* Внешнее положение церкви в первые три века христианства // Христианское чтение. 1859. Ч. II С. 140–146.

²⁵ *Карсавин, Л.П.* История европейской культуры. Т. I: Римская империя, христианство и варвары / Л.П. Карсавин / Пер. с лит. Т. Алекнине; науч. ред., библиография А. Клементьева. – СПб., 2003. – 336 с.

в которой отведено анализу тенденций в религиозной сфере Поздней Римской империи, а также взаимоотношениям римлян с варварами.

Среди отечественных исследователей советского периода наиболее значимы работы А.С. Иванова²⁶, В.Д. Нероной²⁷, объектом исследования которых стало вторжение варваров на процесс разрушения Римской империи. Труд Г.С. Кнабе²⁸, затрагивавший вопросы культуры Римской империи позднеантичного периода. Исследования И.С. Свенцицкой²⁹, посвященные истории христианства.

В числе современных исследователей можно обозначить А.Г. Бокщанина³⁰, который проводит анализ источниковедческой базы по данной теме. Объектом исследования В.П. Будановой, А.А. Горского и И.Е. Ермоловой³¹ стало великое переселение народов и его влияние на варварский мир и Римскую империю. В свою очередь внутренние процессы Римской Империи рассматриваемого периода нашли свое отражение в работах А.Я. Гуревича³², И.О. Евтухова³³, И.Е. Ермоловой³⁴, Ф.Ф. Зелинского³⁵, А.Р. Корсунского. Важные проблемы христианизации Римской империи стали объектом исследования М.М. Казакова³⁶. Большое внимание отношениям Римской Империи и варваров уделили такие исследователи, как В.А. Дмитриев³⁷, Ю.К. Колосовская³⁸, А.В. Махлаюк³⁹, Н.В. Мотрошилова⁴⁰.

²⁶ Иванов С.А. Оборона балканских провинций Византии и проникновение «варваров» на Балканы в первой половине VI в. // ВВ. 1984. Т.45. С. 55 - 57.

²⁷ Неронова В.Д. Вторжение варваров и крушение Римской Империи. М., 1983. 422 с.

²⁸ Кнабе Г.С. Понимание культуры в древнем Риме и ранний Тацит // История философии и вопросы культуры / отв. ред. М.А. Лифшиц. М., 1975. С. 62-130.

²⁹ Свенцицкая И.С. Раннее христианство: страницы истории. М., 1989. 642 с.

³⁰ Бокщанин А.Г. Источниковедение Древнего Рима. М., 1981. 512 с.

³¹ Буданова В.П. Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты / В.П. Буданова, А.А. Горский, И.Е. Ермолова. – М. 1999. – 386 с.

³² Гуревич А.Я. Начало феодализации в Европе // Гуревич А.Я. Избранные труды: в 2х тт. М., СПб., 1999. Т. 1. С. 180 – 212

³³ Евтухов И.О. Концепция человека поздней античности. Мн., 1991. 322 с.

³⁴ Ермолова И.Е. Римская империя и федераты в IV веке // Новый историч. вестн. 2001. №2. С. 11-14.

³⁵ Зелинский Ф.Ф. Римская империя / Ф.Ф. Зелинский. СПб., 1999. 754 с.

³⁶ Казаков М.М. Христианская церковь и Римская империя в IV в. / М.М. Казаков // Очерки истории христианской церкви в Европе (Античность, средние века, Реформация). Смоленск, 1999. С.28 - 36.

³⁷ Дмитриев В.А. К вопросу о варваризации римской армии в IV в. н. э. (по данным Аммиана Марцеллина) // Науч. вестн. Белгор. гос. ун-та. Сер. История. Политология. 2011. Т. 18. № 7 С. 54 – 59.

³⁸ Колосовская, Ю.К. Рим и мир племен на Дунае. I – IV вв. н.э. М., 2000. 298 с.

Особенности положения и деятельности римских епископов в поздней античности были затронуты в работах В.В. Болотова⁴¹, Н.Н. Воробьевой⁴², Е. Гергея⁴³, О.В. Пржигодзкой⁴⁴, и др. Однако во всех этих трудах вопросы взаимоотношений римских епископов с варварами в период поздней античности (IV - VI вв.) затрагиваются либо вскользь, либо же практически не рассматриваются.

В отношении группы зарубежных авторов можно отметить, что наиболее значимыми зарубежными исследованиями по данной теме являются труды А.Х.М. Джонса⁴⁵, Э.А. Томпсон⁴⁶, которые провели комплексное исследования взаимоотношения Римской империи с варварами в IV - VI вв.

Также отметим, что процесс становления западнохристианской цивилизации современными зарубежными учеными рассматривается преимущественно с точки зрения континуитета между позднеантичной и раннесредневековой Европой (например, это работы А. Кэмерона⁴⁷, П. Брауна⁴⁸, П. Шувэна⁴⁹, Г. Бауэрсока⁵⁰, Дж.-М. Уоллес-Хедрилла, а также В.И. Уколовой⁵¹).

Методология исследования находится в рамках подходов исторической антропологии и истории ментальностей, а также взаимосвязана

³⁹ Махлаюк А.В. Процесс «варваризации» римской армии в оценке античных авторов // Античный мир и археология. 2002. Вып. 11. С. 123–129.

⁴⁰ Мотрошилов Н.В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М., 2010. 464 с.

⁴¹ Болотов В.В. Лекции по истории древней церкви: Репринт. изд.. М., 1994. 654 с.

⁴² Воробьева Н.Н. Проблема отношений христианской церкви и государства в Римской империи I–IV вв. в освещении отечественной историографии второй половины XIX – нач. XX в. Омск, 2005. 216 с.

⁴³ Гергей Е. История папства: пер. с венгр. М., 1996. 455 с.

⁴⁴ Пржигодзкая О.В. Религиозные отношения в поздней Римской империи и варвары // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / под ред. проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2006. Вып. 5. С. 455 – 462.

⁴⁵ Джонс А.Х.М. Гибель античного мира. М., 1997. 456 с.

⁴⁶ Томпсон, Э.А. Римляне и варвары. Падение Западной империи / пер. с англ. Т.О. Пономаревой; под ред. М.Е. Килуновской. СПб., 2003. 288 с.

⁴⁷ Cameron A. The Mediterranean World in Late Antiquity. AD 395-600. L., 1993. 446 p.

⁴⁸ Brown P. The World of Late Antiquity. AD 150-750. L., 1980. 216 p.

⁴⁹ Chuvin P. Chronique des derniers païens. P., 1990. 344 p.

⁵⁰ Bowersock G. Hellenism in Late Antiquity. - Ann Arbor, 1990. 312 p.

⁵¹ Уколова В.И. Античное наследие и культура раннего средневековья. М., 1989. С.3-18.

с такими областями научного знания как история религий и идеологий, политология.

Исследование осуществлялось также на базе «Концепции Поздней Античности», разрабатываемой в рамках цивилизационного подхода (О. Шпенглер⁵², А. Тойнби⁵³, К. Ясперс⁵⁴ и др.) в истории. Данная концепция сформировалась под мощным влиянием теоретических исследований Питера Брауна и, прежде всего, с выходом в свет его труда «Мир Поздней Античности: от Марка Аврелия до Мухаммеда (150-750)» (The World of Late Antiquity: from Marcus Aurelius to Muhammad (AD 150-750). London, 1971). В соответствии с данной концепцией позднеантичный период рассматривается не только и не столько с позиций кризиса и упадка, сколько как закономерный этап развития античной цивилизации со своими специфическими чертами и тенденциями. Благодаря данному подходу в исторической науке на сегодняшний день ведется работа по ликвидации «белых пятен», исследователи обращаются к темам и областям, ранее находившимся на периферии исторической науки – к истории культуры, религиозности, ментальности в целом, как структурам, определяющим образ позднеантичного общества.

Методы исследования: принимая во внимание цель и задачи данного исследования, а также методологические подходы, целесообразно применить комплекс базовых методов исследования.

Общенаучные методы *анализа, синтеза, обобщения*, с помощью которых нам удалось выявить и сопоставить исторические факты для определения специфики взаимоотношений римских епископов с варварами в период поздней античности.

⁵² Шпенглер О. Закат Европы. – М., 1998. – 345 с.

⁵³ Тойнби А. Дж. Постижение истории. – М., 1991. – 230 с.

⁵⁴ Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., 1991. – 344 с.

Историко-генетический метод, позволивший выявить причинно-следственные связи в процессе развития событий в Римской империи и варварских государства в период IV – VI вв., дающие основания для установления закономерностей и выводов.

Историко-сравнительный метод, позволивший провести анализ становления института епископов и выявить динамику отношений с варварами в различные исторические периоды.

Историко-системный метод, благодаря которому были выявлены взаимоотношения римских епископов и варваров.

Структурно-функциональный метод, способствовавший систематизации причинно-следственных связей, выявлению общих закономерностей развития отношений римских епископов с многочисленными варварскими народами.

Положения, выносимые на защиту.

1. В период интеграции варварской и римской культур, которая началось еще в III в. романизация заметно преобладала над варваризацией.

2. Эпоха великого переселения народов и формирования варварских королевств совпала с эпохой христианизации варваров, значимую роль в которой сыграли римские священники.

3. В период IV – VI вв. происходит существенное изменение функций римских епископов, для компетенции которых становится характерна двойная, церковно-светская, компетенция.

5. В условиях политических и религиозных противоречий именные римские епископы во взаимоотношении с варварами своей деятельностью формировали новое, значимое для всего последующего цивилизационного пути развития религиозно-культурное мировоззрение.

Структура работы. Исследование состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии, списка сокращений и приложений.

Апробация осуществлялась в участии автора на III международной научной конференции: «Научный диалог: вопросы философии, социологии, истории, политологии» (2016 г.), а также публикация в сборнике научных трудов, который передан в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и наукометрическую базу SPINDEX:

1. Кощуков А.В. Проблемы развития христианской церкви в Римской империи // Материалы III международной научной конференции. - Санкт-Петербург, 2016. – С.34-35

ГЛАВА 1.РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ И ВАРВАРСКИЕ ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

С позиции исследователей⁵⁵ в истории взаимоотношений варварских племен и Римской империи, начиная с конца III и до конца IV в. весьма явно выделяются два основных этапа, которые отличаются друг от друга как по целям римской политики относительно варваров, так и по методам ее осуществления. При этом в качестве особой условной границы между обозначенными этапами необходимо считать смерть Константина Великого, которая датируется 337 г. в связи с тем, что в последние годы правления Константин начинает применять рычаги воздействия на варваров, которые затем также систематически стали применяться при его последователях.

1.1. Римская империя в период поздней античности: система взаимоотношений с варварами

Рассматривая Римскую империю в период поздней античности: система взаимоотношений с варварами, подчеркнем в этом отношении, что первый этап характеризуется преимущественно противостоянием Рима и варваров. В качестве основных способов воздействия на варварские племена в Европе в обозначенный период времени выступают военные методы. Начиная с конца III в. в результате целого ряда осуществляемых преобразований в армии римские императоры получают такие вооруженные силы, которые были максимально приспособленные непосредственно для борьбы с вторжениями варваров. Поэтому именно с данного времени начинает постепенно формироваться система военного противодействия Рима варварским вторжениям. Также в этом отношении укажем, что оборона границы формируется из следующих основных элементов. Все приграничные

⁵⁵ Колосовская Ю.К. Рим и мир племен на Дунае. М., 2000. С. 98.

легионы, а также отряды союзников должны были отражать небольшие варварские набеги и при этом сдерживать крупные вторжения, стремясь не дать все же перешедшим границу племенам разделиться на более мелкие отряды непосредственно до подхода основных сил. В тот случае, если имело место вторжение крупных отрядов варваров на угрожаемый участок границы, тогда римляне перебрасывали ту мобильную армию, которая была гораздо наиболее боеспособная, нежели приграничные войска⁵⁶.

Тем не менее, в качестве основной задачи мобильной армии, начиная с правления Диоклетиана, выступают рейды на варварские территории. Так, например, при описании походов римских войск по те территориям, на которых расселялись различные враждебные варварские племена, в качестве главного лейтмотива источников выступает разорение, причиняемое варварам, многое сожженные поселения, а также захваченные в плен и убитые. Немалую роль играл и тот страх, который римляне смогли внушить местному населению. Из всего этого можно сделать достаточно обоснованный вывод относительно того, что именно данные цели и преследовали в конечном итоге римские войска, когда они совершали свои походы непосредственно на варварские территории⁵⁷.

Таким образом, можно заключить, что в качестве основной цели римской военной политики в обозначенный период выступает стремление ослабить враждебные племенные группировки. Подобная военная политика заметно отличается от политики эпохи принципата, при которой в качестве основной цели походов на территорию противника являлись территориальные захваты и установление контроля над рядом отдельных племенных группировок, а в случае вторжения варварских племен непосредственно на территорию Империи, римская армия в основном

⁵⁶Ременников А.М. Борьба племен Северного Подунавья и Поднестровья с Римом и ее роль в падении Римской империи. Казань, 1984. С. 91.

⁵⁷Лазарев С.А. Римская армия в период поздней империи // Античность и средневековые Европы. Пермь, 1994. С. 84.

оборонялась на своей территории, как это было принято у Маркоманских войн.

В войнах с варварами подобная устойчивость характеризовалась как излишняя, что было обусловлено тем фактом, что война на границах в Европе сводилась только преимущественно к серии коротких стычек с отдельными варварскими отрядами, при том, как крупные сражения с непосредственным участием всей армии велись достаточно редко. Все это наглядно свидетельствует о том, что реформа римской армии проводилась в достаточно тесной связи с политической ситуацией того времени, которая имела место на границах в Европе. Поэтому Диоклетиан и Константин стремились в первую очередь получить необходимое средство борьбы против варваров. Тем не менее, эффективность новых методов ведения борьбы начинает проявлять себя с начала IV в., в связи с чем число нападений на римские территории существенным образом сокращается⁵⁸. В качестве еще одного приема, призванного снижать напряженность на границах в Европе, начиная с конца III в. выступают переселения отдельных варварских племен непосредственно на приграничные территории Римской империи.

Подчеркнем, что сам термин «варвары» применялся современниками Переселений в качестве наиболее общей дефиниции конгломерата племен, которые населяли в то время как ближнюю, так и дальнюю периферию античного мира. В этом отношении следует подчеркнуть, что если у греков состояние варварства ассоциировалось именно с низким интеллектуальным уровнем, а также неспособностью к разумному рассуждению, то римляне «варварство» соотносили в первую очередь с бедностью, а также отсутствием государственности. Для них варварство наиболее полно и последовательно представлено было именно германскими племенами, как неким эталоном нецивилизованного, и весьма примитивного образа жизни, резко

⁵⁸ *Иванов С.А.* Оборона балканских провинций Византии и проникновение «варваров» на Балканы в первой половине VI в. // ВВ. 1984. Т.45. С. 56.

контрастирующего с культурой Рима. Как отмечал Г.С. Кнабе, в вековом противоборстве у Тацита, «двух взаимоисключающих укладов жизни столкнулись Imperium, то есть государственный организм, подчиненный непосредственно опирающейся на военную силу центральной власти, и Germanorum libertas – то есть хаос местнических интересов и эгоистического своеволия»⁵⁹. Укажем, что трагически непримиримую тацитовскую дихотомию «римляне-варвары» римское массовое сознание смогло сохранять на протяжении многих столетий. Исследователь Г.С. Кнабе сформулировал предельно точно, а именно: «Римляне возделывают землю, германцы ее «насилуют»; культура предусматривает деятельность, варварство подразумевает или пассивное приятие существующего, или отношение к нему как к военной добыче; те, кто состязается с действительностью, а также стремятся выявить и использовать ее внутренние возможности; те, кто от такого состязания уклоняется, хотят только грабить»⁶⁰.

Также отметим, что в период Великого переселения народов образ варвара традиционно следовал оппозиции «варвары - не римляне». В этом случае контраст между Барбарикумом и античным миром в обозначенный период времени достигает своей предельной напряженности и остроты. В целом же содержательная характеристика варваров основывалась именно на балансе заинтересованности и неприятия. Такого рода тенденция находит свое отражение в лексике сочинений как латинских, так и грекоязычных авторов⁶¹. Тем не менее, в подавляющем большинстве случаев понятие «варвары» неизменно привязывалось к военному контексту и, чаще всего, сопровождалось словами «осадили», «разрушили», «опустошили», а также «совершили нападение». В процессе расселения варварских племен в империи частота его употребления существенно сокращалась. Однако из

⁵⁹ Кнабе Г.С. Понимание культуры в древнем Риме и ранний Тацит // История философии и вопросы культуры. М., 1975. С. 72.

⁶⁰ Кнабе Г.С. Указ соч. С. 76.

⁶¹ Дмитриев В.А. К вопросу о варваризации римской армии в IV в. н. э. (по данным Аммиана Марцеллина) // Науч. вестн. Белгор. гос. ун-та. Сер. История. Политология. 2011. Т. 18. № 7. С. 56.

этого вовсе не следует, что совсем исчезает барьер взаимного отчуждения между римлянами и варварами.

Важно подчеркнуть, что к концу IV в. отношение варварского мира к Римской империи становится, можно сказать, откровенно враждебным. Имеющая место слабость Римской империи варварским племенам позволила усилить набеги на ее границы и нередко захватывать ее территории. В этом отношении парадоксальное положение Римской империи заключалось в том, что сдерживая активный натиск варварских племен, она была вынуждена искать опору в самих же варварах, что ее существование делало особенно безнадежным. При этом союзники-федераты четко понимали, что силы римлян на исходе, и из союзников они постепенно переходили в явных врагов Римской империи.

Отметим, что к IV в. германские племена претерпевают достаточно серьезные трансформации в сравнении с теми временами, о которых писали Цезарь⁶² и Тацит⁶³: у них начинается объединение племен в большие союзы, то есть идет оформление именно предгосударственных образований. В этом случае на нижнем Рейне и в Ютландии оформляются союзы англосаксонских племен; на среднем Рейне – франкский союз племен; при том, как на верхнем Рейне оформляется аллеманский союз племен, который в себе включил племена маркоманов, квадов, а также частично свевов. В бассейне Эльбы образуются союзы вандалов, лангобардов и бургундов. Начиная с конца IV в. практически весь евразийский варварский мир приходит в движение. В качестве основных причин можно назвать, например, следующие: одни племена выталкивали другие племена с их территорий (в качестве примера можно указать гуннов из восточных степей, которые теснили славян, а славяне, в свою очередь, передвигаясь на запад, заставляли

⁶²Цезарь Г.Ю. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне. М., 1993. С. 232.

⁶³Тацит Сириец. Речь против эллинов // Писания мужей апостольских. СПб., 1895. Репринт изд. с дополнениями свящ. В.Асмуса и А.Г. Дунаева: Рига, 1992. С. 87.

передвигаться в том же направлении и германские племена), имеющая место потребность в новых, наиболее плодородных землях, весьма суровый климат. Также подчеркнем, что пришедший в движение весь варварский мир некоторым образом объединяла общая ненависть к Римской империи. В этот период времени по всем дорогам Европы можно было услышать скрип варварских повозок, которые были нагружены всевозможным скарбом и домочадцами. Исследователями⁶⁴ начало Великого переселения народов чаще всего связывается с вторжением в пределы империи готов. Вестготы и остготы в Византии имели обширные земельные владения и при этом в отличие от многих других варварских племен они практически не испытывали так называемого «земельного голода» (Amm. Marc. XVII. 5). Но, тем не менее, остготы время от времени делали набеги на Балканский полуостров. Кроме этого, остготы и вестготы принимают арианство, подобно многим варварским племенам того времени. В качестве проповедника арианства среди готов являлся епископ Ульфил, переведший Библию на готский язык⁶⁵.

Те готы, которые были поселены в Мезии, некоторое время жили спокойно. Однако имеющие место насилия и насилия продажность римских чиновников все же заставили их взяться за оружие, и они начинают опустошать Фракию. Валент, четко осознавая, что одному ему не справиться с готами, из Галлии вызывает Грациана, который только что отразившего набег аламанов. Грациан откликнулся на вызов и двинулся на помощь, однако еще до его прибытия Валент дает под Адрианополем бой готам (9 августа 378 г.). Римская армия терпит поражение, при том, как сам император погибает. После этого готы, практически не встречая никакого организованного сопротивления, рассеиваются по Балканскому полуострову.

⁶⁴Буданова В.П. Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты / В.П. Буданова, А.А. Горский, И.Е. Ермолова. М. 1999; Колосовская Ю.К. Рим и мир племен на Дунае. I – IV вв. н.э. М., 2000; Махлаюк А.В. Процесс «варваризации» римской армии в оценке античных авторов // Античный мир и археология. 2002. Вып. 11. С. 123–129; Античная цивилизация и варвары. М., 2006;

⁶⁵Ермолова И.Е. Римская империя и федераты в IV веке // Новый исторический вестник. 2001. №2. С. 11–12.

Аммиан Марцеллин, будучи современником описываемых событий, оставляет нам описание данного готского нашествия: «Готы рассеялись по всему берегу Фракии и шли осторожно вперед, причем сдавшиеся сами римлянам их земляки или пленники указывали им богатые селения, особенно те, где найти можно было изобилие провианта. Не говоря уже о прирожденной силе дерзости, большой помощью являлось для них то, что со дня на день присоединялось к ним множество земляков из тех, что в первые дни перехода на римскую землю, мучимые голодом, продавали себя за глоток скверного вина или за жалкий кусок хлеба. К ним присоединялось много рабочих с золотых приисков, которые не смогли снести тяжести оброков; они были приняты с единодушного согласия всех и сослужили большую службу блуждавшим по незнакомым местностям готам, которым они показывали скрытые хлебные магазины, места убежища туземцев и тайники» (Amm. Marc. XIX.11.5).

Обратим также внимание и на эволюцию характера переселения. В этом отношении следует указать, что на первых порах Римской империи все же удавалось инкорпорировать малое число переселенцев. Однако по мере превращения данного переселения в массовое явление она постепенно теряет над данным процессом контроль. Вполне закономерно, что на первом этапе массовые переселения заканчивались для Империи внутривполитическими кризисами, весьма острыми конфликтами с переселенцами. На данном этапе Великого переселения наиболее часто удавалось заставить германцев смириться. В этом случае они становились основной силой римской армии, его базовой, однако не очень надёжной опорой. Но в это время подавляющее большинство германских племён длительно могло занимать римскую территорию исключительно в статусе федератов. Следует указать, что по существу германцы-переселенцы, называя себя союзниками Рима, одновременно на его территории создавали полунезависимые образования. Так, например, уже с конца IV в., стремясь осесть в землях Римской империи,

они для себя требовали для поселения не только земель, но также и права на сохранение после их переселения собственной внутренней организации и собственного управления.

Подчеркнем, что в ходе первого этапа Переселения изменяется не только военный и внешнеполитический «портрет» германских племён. Произошедшие события III-IV вв. наглядно демонстрируют определенные изменения их социальной и хозяйственной жизни. При этом как торговые, так и военные контакты с Империей во многом способствовали развитию племён, а также прогрессу у них сельскохозяйственного и ремесленного производства, заметному совершенствованию военного дела. Кроме этого, в германские племена в результате набегов существенным образом обогатили свои технологические и технические знания через захват римских орудий труда и применения опыта пленных ремесленников. Также получили развитие и те ремёсла, которые связаны с обеспечением дружин.

Следует отметить, что в ходе Переселения заметно усилился процесс социальной дифференциации, имело место накопление богатств в руках знати, произошло оформление наследственной власти конунга. Значительную эволюцию претерпела древнегерманская знать. Например, степень знатности определялась по-прежнему в первую очередь происхождением, а вовсе не заслугами, но при этом все большее значение приобретает имущественное положение человека. Также укажем, что определенная часть старой родовой верхушки погибает как во внутренних, так и внешних конфликтах. На базе дружинных отношений формировалась и крепла постепенно военно-служилая прослойка. Возникала ввиду войн и переселений текучесть состава знати, что ей не позволяло окончательно обособиться непосредственно от основной массы свободных германцев⁶⁶.

⁶⁶ Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 2000. С. 78.

Также укажем, что материальное благополучие знати формировалось двумя основными путями: 1) за счёт эксплуатации труда зависимых лиц; 2) за счёт военной добычи. Подчеркнем, что в условиях грабительских набегов на Империю, также для соседей последняя давала наибольшие возможности для заметного укрепления властных позиций знати, особенно это относилось к предводителям племён и напрямую связанных с ними служилых слоёв.

Существенная часть свободных германцев достаточно пассивно относилась к участию в набегах и происходивших вторжениях, которые совершаемых ради наживы. Наиболее часто они брались за оружие только в том случае, когда речь заходила именно о защите территории, которую занимало племя. Кроме этого, на первом этапе Переселения заметно возросла профессионализация дружин. В этом случае в самой дружине выделился некий узкий круг лиц, который был связан не узами кровного родства, а в первую очередь общностью интересов, а также личной преданностью вождю⁶⁷.

Отметим, что победа германцев у Адрианополя смогла открыть новый этап Великого переселения народов рассматриваемого периода. Те миграции и передвижения, которые проходили на фоне крушения Римской империи, стали постепенно приобретать черты качественно иного масштаба и уровня. В первую очередь германские вторжения в Империю велись преимущественно ради грабежа. В этом случае преграждали путь вторгавшимся, а также выдворяли их за пределы Империи либо пограничные части римской армии, либо отряды вспомогательных войск, сформированные из варваров. Имеющие место конфликты между племенами происходили в большей степени вне пределов Империи или же неподалёку от её лимеса. Кроме этого, в подавляющем большинстве случаев Римской Империи все же удавалось осуществлять контроль над ними, манипулируя,

⁶⁷ Буданова В.П. Указ. соч. С. 123.

насколько могла позволить ситуация, раскладом военных сил в Барбарикуме. Подчеркнем, что к концу IV в. взаимоотношения Империи с германцами становятся более сложными. В этом случае римляне все чаще стали прибегать к применению их как военных союзников и как наёмников.

Начиная с конца IV в. в целом характер участия германцев в Переселении народов начинает всё больше определяться именно уровнем их социального развития, основными тенденциями этнической консолидации, а также открывшимися возможностями вхождения германской племенной элиты непосредственно в структуру политической власти Римской империи. Подчеркнем, что в качестве отличительной особенности данного этапа Переселения можно назвать то, что с переселением практически любого племени в Империю, все его последующее передвижения в её пределах выступало в качестве миграций и переселением только до момента создания данным племенем своего так называемого «королевства». В этот период история многих германских племён словно начинает обретать качественно новые черты. Открывается достаточно широкий простор непосредственно для проявления личного мужества, осуществления защиты интересов Империи. Кроме этого, война германцами начинает рассматриваться в качестве работы, открывающей возможность сделать карьеру. Зародился новый тип лидеров – вождей и конунгов, ведущих свой народ к формированию на земле Римской империи первых так называемых варварских «королевств» (Amm. Marc. XVII. 5, 6).

Отметим, что процесс переселения варваров в первую очередь позволял снять остроту постепенно нараставшего кризиса аграрного перенаселения в варварском мире, кроме этого, позволял римской администрации заселить многие обезлюдившие приграничные территории. У подавляющего большинства варварских народов в рассматриваемый период еще не до конца были сформированы представления о государственных границах, и поэтому они рассматривали практически любые свободные

земли в качестве объекта для переселения, что борьбу в приграничной полосе делало весьма непростой. Так, например, в качестве показательного эпизода можно назвать борьбу за Декуматские поля, которые практически обезлюдели и затем были заселены варварами. В этом случае Диоклетиану пришлось приложить существенные усилия для их освобождения⁶⁸.

Кроме этого, сам факт заселенности тех земель, которые находились под контролем Римской империи, выступал в качестве сдерживающего фактора для тех варваров, которые желали найти новые территории для своего проживания. Подчеркнем, что варвары, которые перешли на территории Римской империи, проживали достаточно компактно, вероятно сохраняли при этом внутреннюю автономию либо, по крайней мере, некоторую ее часть. Они обязаны были отправлять на службу в Римскую армию свои военные отряды. Переселенцы формировали свои военные отряды самостоятельно, однако именно по римскому образцу и руководили ими в этом случае римские офицеры, скорее всего, выходцы из варваров.

Подчеркнем, что эффективность мер на границе в начале IV вв. не вызывает никаких сомнений, так как число варварских нападений существенным образом снизилось, они изменились так же и качественно, а именно: крупные вторжения больших масс варваров практически прекратились, только время от времени некоторые варварские дружины совершали набеги на территории вблизи границ. Кроме этого, переселения ряда племен, а также активное привлечение их на службу сформировали предпосылки для достаточно активной интеграции приграничных варваров непосредственно в состав римской цивилизации, они положили начало процессу постепенного размывания в сознании современников той границы, которая разделяла римлян и варваров. Но на данном этапе все обозначенные

⁶⁸ Корсунский А.Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств: (до сер. VI в.) / А.Р. Корсунский, Р. Гюнтер. М., 1984. С. 186.

процессы шли под непосредственным контролем и во многом даже по инициативе римских властей.

Период с 330-х по 370-е годы н.э. в первую очередь характеризуется началом качественного сдвига в отношениях между Римской империей и отдельными приграничными варварскими племенами. В этом отношении можно обозначить несколько факторов, которые во многом способствовали активному развитию процессов интеграции среди сарматов, готов, квадов, а также бургундов и некоторых других племенных образований. В первую очередь необходимо указать, что это последствия политики относительно варваров, которая проводилась на более раннем этапе, а если быть более точными, то в период конца III – нач. IV вв.⁶⁹

Весьма серьезные усилия римлян по стабилизации обстановки на своих границах сумели привести к относительной стабилизации этнического состава варварских племен в пограничных регионах. Заметно сократилось число перемещений племенных образований из глубин Германии к границам Римской империи, особенно это относится Дунайской границы. В отдельных районах формируются крупные племенные союзы, например, это союз сарматов, готы под руководством Эрманариха, куда кроме кочевников вошли также и германские племена. Стабильность, а также образование крупных объединений позволяют как римской администрации, так и верхушке варварских племен установить весьма плотные дипломатические родовые отношения, а также заключить постоянные союзы. В качестве еще одного фактора, оказавшего значимое влияние на укрепление связей Рима с приграничными племенами, можно назвать христианизацию, которая и будет нами рассмотрена далее⁷⁰.

Отметим, что именно в связи с принятием христианства начинают постепенно происходить изменения в менталитете римского общества. В

⁶⁹ Зелинский Ф.Ф. Римская империя. СПб., 1999. С. 81–82.

⁷⁰ Буданова В.П. Указ. соч. С. 124.

первую очередь это было связано с изменением идентификации системы «свой-чужой». То есть для дохристианского общества такого рода идентификация осуществлялась по принципу языка и культуры, при этом те индивиды, которые не говорили на латыни либо греческом, не знали античной культуры, относились к «чужим» (Oros. I. 2, 53) варварам.

Для христианского сознания такого рода идентификация осуществляется по религиозному принципу «христианин язычник». Такое восприятие мира помогало включать в категорию так называемых «свои» также и варваров, пусть хотя бы формально принявших христианство. При этом важно учитывать тот факт, что весь процесс христианизации Римской империи был достаточно длительным, и продолжался на протяжении всего IV в. В свою очередь процесс христианизации варваров в Европе в IV в. только начинался, при этом у обеих сторон шла достаточно активная борьба между сторонниками разных религий, но данная борьба, на наш взгляд, способствовала еще большему усилению интеграции варварского и римского общества, заставляя все же договариваться между собой как сторонников христианства, так и сторонников язычества.

Отметим, что в середине IV в. можно обозначить два наиболее крупных региона, в которых отношения Римской империи с варварами проходили свое развитие по различным сценариям. В качестве первого из них можно назвать район Дунайской границы Римского государства. В середине IV в. в подунавье формируются достаточно стабильные и крупные племенные образования готов, а также сарматов и квадов. В данном регионе начинается активный процесс христианизации варварских племен, которые находились за границей империи, особенно динамично процесс христианизации наблюдался среди готов. Такого рода факторы смогли обусловить те изменения, которые происходили на данном участке границы.

Еще раз укажем, что число вооруженных конфликтов с варварскими племенами существенно сокращается, при том, как вторжения варварских

племен для осуществления переселения непосредственно на территорию Римской империи практически на протяжении всего IV в. не были зарегистрированы. Прошедшие на данном участке границы войны с варварами характеризуются несколько иным характером, нежели все конфликты более раннего периода. Подчеркнем в этом отношении, что целью императора Констанция в войне с сарматами, а также готов в восстании Прокопия являлось вмешательство во внутренние дела соседей, при этом ни те, ни другие, все же не стремились к территориальным захватам.

Определенным образом происходят изменения в данном регионе и характер переселенческой политики. Так, например, если для конца III нач. – IV вв. было свойственно переселение племени целиком, либо же большей его части, то уже в сер. IV в. через границу стали перемещаться относительно небольшие группы варваров. Историкам известно о переселениях готов-христиан, которые возникли как вследствие гонений Атанариха, а также о переселениях сарматов-господ после произошедшего восстания сарматов-рабов в 350-е гг.⁷¹

Все это позволяет вести речь об активном развитии интеграционных процессов непосредственно на Дунайской границе. При этом необходимо подчеркнуть, что на данном этапе речь идет именно об интеграции варварских племен в состав Римской империи. Отметим, что и в IV в. положение на границе оставалось также под контролем римской администрации, при этом, варвары в римскую среду вливались, восприняв при этом римскую культуру, а также получив римское образование. Кроме этого, та система заложников, которая была воссоздана Диоклетианом, к середине IV в. смогла принести также свои плоды, когда во главе варварских племен вставали люди, воспитывавшиеся при Константинопольском дворе.

⁷¹ Бокщанин А.Г. Источниковедение Древнего Рима. М., 1981. С. 107.

Слиянию варварской и римской элит способствовала во многом военная служба варваров на офицерских должностях непосредственно в армии империи.

Несколько иначе формировались отношения с варварскими племенами на рейнской границе. Отметим, что в этом месте еще сохранялась пестрая и нестабильная картина расселения приграничных племен, а также постоянно имело место выдвижение новых групп варваров из ряда отдаленных от границы районов Германии. Укажем, что активная христианизация, которая существенным образом меняла отношение римлян к варварам, здесь начинается только с конца IV – нач. V в. Именно в связи с этим в данном районе формируется такая ситуация, которая в общих чертах напоминает события конца III – нач. IV в.

То есть римская армия всеми силами стремилась не допустить расселения варваров непосредственно на территории Галлии, а также активно борется против постоянных набегов. Кроме этого, практически прежними остаются также и методы борьбы, а именно: рейды на те территории, которые заняты варварами после разгрома вторгшихся отрядов, осуществление переселения пленных варваров, которые затем становятся латами и уже находятся под непосредственным контролем римской администрации. Также укажем, что в период 355 – 360 гг. Юлиан стремился переломить данную ситуацию еще и военными методами, однако у римской армии реальной возможности строго контролировать варварские племена не было, в связи с чем после отъезда Юлиана на восток ситуация возвращается практически в прежнее русло. Тем не менее, и в данном районе римские власти также сохраняют контроль над ситуацией на границе. Кроме этого, им удается на протяжении весьма длительного времени с варварами

поддерживать военный паритет, а также сохранять относительно стабильную границу и при этом держать под контролем еще и переселенцев⁷².

В свою очередь Э.А. Томпсон в своем исследовании⁷³ основное внимание уделяет именно региональным особенностям взаимодействия Римской империи и варваров. В качестве общего момента в исследовании названным ученым каждой из областей выступает акцент на взаимоотношения римской и варварской элит. Несколько меньше исследователем уделяется внимания тем отношениям, которые складываются внутри варварских общин, а также римских поместий, и сформировавшимся отношениям между простыми варварами и непосредственно римским населением провинций. Кроме этого, весьма подробно освещается также и политическая история ряда отдельных племенных образований, которые оказались на территории Западной Римской империи, особенно свевов, вестготов, вандалов, а также франков. Такой подход, прежде всего, объясняется состоянием тех источников, в которых другие племенные группировки упоминаются намного реже. А также достаточно большим политическим влиянием данных племен.

Подчеркнем, что практически все варварские королевства, которые возникли в V – VI вв. Томпсоном анализируются практически по одной схеме, что ему позволяет весьма обстоятельно сравнить ранние варварские государственные образования. В конечном итоге он приходит к заключению, что варварские государства изначально мало чем отличались друг от друга и находились практически в равных условиях: являлись по своему характеру аморфными, а также нестабильными политическим образованиями с практически неопределенной территорией и весьма пестрым этническим составом, в который входили также и варварские племена. Вся дальнейшая судьба королевств определялась исследователем именно конкретной

⁷² Артаковский С.Н. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. JL, 1969. С. 211.

⁷³ Томпсон Э.А. Римляне и варвары. Падение Западной империи / пер. с англ. Т.О. Пономаревой; под ред. М.Е. Килуновской. СПб, 2003.

политической обстановкой, которая формировалась в тех районах, где они располагались. В целом же его выводы совпадают с выводами российских историков, однако отметим, что последние пришли к ним несколько иными методами, в первую очередь, исследуя систему социально-экономических отношений, которая сложилась в варварских королевствах.

Тем не менее, в региональном подходе Томпсона к исследованию Западной Римской империи имеются и некоторые свои слабости. Например, достаточно трудно составить целостную картину миграционных процессов, которые происходили на пространствах Западной Европы в период V – VI вв. Кроме этого, история отдельных племенных образований, например, вестготов, вандалов, свевов исследователем была разделена между главами книги, что составляет определенные трудности как для читателя, так и для автора, которому, с нашей точки зрения, так и не удалось четко воссоздать единую картину отношений варваров и римлян и в Западной Европе. Также отметим, что принятый акцент на региональную историю нередко отвлекает автора и от общеимперских тенденций, значение которых им нередко принижается. С подобным отношением как к общеримским институтам, так и тенденциям еще можно согласиться относительно к VI в., но в V в. Западная Римская империя остается еще относительно сильной. Римские императоры также продолжали сохранять достаточно длительное время на большей части территории империи реальную власть, оказывая при этом существенное влияние на местную римскую аристократию, а также чиновников и полководцев.

Нередко Томпсон в своем исследовании политические отношения между варварскими племенами и римлянами сводит непосредственно только к интересам местной римской аристократии и варваров. При этом если он и рассматривает интересы императора, то таким образом, что они нередко ассоциируются с действиями только отдельных лиц, таких, например, как Стилихон либо Аэций, что можно охарактеризовать как не совсем верный

подход, так как римские полководцы имели также свои собственные интересы в отношениях с варварами, которые не всегда напрямую соответствовали мнению императора. Также необходимо обозначить, что Римская империя в V в. – это весьма сложный и, можно сказать, запутанный клубок самых разных сил и группировок, у каждой из которых имелись свои интересы, в ряде случаев совпадающие, а чаще всего не совпадающие. Подчеркнем, что провести всесторонний и верный анализ всех этих сил и интересов – дело весьма сложное. И поэтому автору удалось детально рассмотреть только одну из сторон политических отношений в период поздней Римской империи.

Тем не менее, можно отметить, что Томпсон делает ряд значимых обобщения относительно всей Западной Римской империи, и при этом выделяет для нее ряд общих тенденций. При этом именно глобальный характер выступает в качестве их отличительной чертой. Данные обобщения описывают отношения Римской империи и варваров в целом во всей их длительности и всем их разнообразии. Так, например, «Введение», имеющее такой подзаголовок, как «Экономическая война», освещает противостояние на границе Римской империи непосредственно между варварством и цивилизацией начиная от Юлия Цезаря и до Великого переселения народов. Взаимоотношения Римской империи и варваров рассматриваются в этом разделе максимально обобщенно, дается также предыстория того периода, который освещается в исследовании. Тем не менее, при этом многие посылки для проводимого исследования предлагаются на основании только единичных фактов⁷⁴.

Также можно охарактеризовать как спорное утверждение о том, что варвары всю Римскую империю рассматривали в качестве своеобразного Эльдорадо и активно туда стремились только с той целью, что бы грабить

⁷⁴ Томпсон. Указ. соч. С.7.

либо жить в роскоши⁷⁵. Но оказавшись на территории Римской империи, варвары вовсе не стали селиться в римских городах и римских виллах, они также не стали выгонять римлян из их домов с тем, чтоб занять их благоустроенные жилища, а вовсе наоборот – варвары стали строить свои дома и деревни, которые практически ничем не отличались от их жилищ в Германии. Вероятно, отдельные города Римской империи, например, такие как Рим и Константинополь, потрясавшие современников своим величием и своими размерами, и могли произвести именно такое впечатление, какое описывает Томпсон, однако в целом, с нашей точки зрения, варвары, начиная еще со II в., стремились на территории Римской империи найти, в первую очередь, свободные земли.

Также можно поспорить с Томпсоном и относительно того, что между римской армией варварами лежала большая техническая пропасть⁷⁶, которую он, необходимо подчеркнуть, сводил к отсутствию у германцев артиллерии. Укажем, что варвары практически никогда своей целью не ставили длительную осаду либо взятие штурмом хорошо укрепленного города. Это связано с тем, что их целью преимущественно был либо грабеж, либо расселение на новых территориях. Именно поэтому они практически не нуждались в артиллерии, аналогичной римской. При этом основная разница между римской армией и варварскими отрядами заключалась в более серьезной и строгой организованности римских войск, а также сбалансированности римской армии и ее стройной внутренней организации. Тем не менее, с началом активной варваризации римской армии данная разница постепенно свелась на нет.

Томпсон в своем объемном и, без сомнения, важном для научного мира исследовании указывает, что имелись два пути, по которым варвары стали воспринимать римское мировоззрение и порядки, а именно: служба в

⁷⁵ Томпсон. Указ. соч. С. 9.

⁷⁶ Там же С. 14.

римской армии и принятие христианства. Исследователь был склонен к мнению, что стремление к принятию христианства со стороны отдельных групп варварского населения было парадоксальным, так как римляне, по его мнению, практически не вели осознанной политики христианизации непосредственно за пределами Римской империи. При этом он подчеркивал, что и те представители варварских племен, которые уже приняли христианство либо же оказались на службе империи, до конца не утрачивали своих связей в варварском мире, а также своего «варварского» мировоззрения.

С точки зрения Томпсона, римляне вплоть до создания варварских королевств презирали варваров и вовсе не считали необходимым включать их в свое римское общество⁷⁷, то есть процесс романизации происходил весьма стихийно и именно по инициативе самих варваров либо же отдельных личностей – например, это были Ульфила, св. Патрика. Подобное утверждение также представляется несколько спорным. В исследованиях многих ученых, в том числе и отечественных, были достаточно хорошо изучены методы политики романизации, а также включения варваров в римское общество. Так, например, система заложников, при которой потомки варварских вождей, а также аристократии получали римское воспитание в тот период, пока они были заложниками. Нельзя также забывать и тот важный факт, что в IV в. те люди, которые проводили христианизацию варваров непосредственно за пределами Римской империи, получали особую государственную поддержку, а те племена, которые принимали христианство, пользовались защитой Рима.

Таким образом, можно заключить, что основные вопросы политических отношений на границе, а также вопросы слияния римского и варварского миров рассматривать необходимо дифференцированно во

⁷⁷ Томпсон. Указ. соч. С. 207-208.

времени и в пространстве. В конце III в. с политической точки зрения римские власти под контроль взяли ситуацию на границе и в последующие периоды, вплоть до начала движения гуннов в Северном Причерноморье, а также тесным образом связанным с этим началом Великого переселения народов, также поддерживали стабильную ситуацию на границе.

Кроме этого, относительно IV в. пока еще нельзя вести речь о глубоком кризисе римской внешней политики в Европе. Также укажем, что интеграция варварской и римской культур, которая сформировалась в эпоху Раннего Средневековья западноевропейскую цивилизацию, безусловно, началась намного значительно раньше IV в. и в рассматриваемый нами период уже протекала весьма активно. Но до конца IV в. в данных процессах доминировала более развитая римская культура, а в качестве ведущего процесса выступало усвоение варварами римских культурных достижений. То есть можно подчеркнуть, что романизация заметно преобладала над варваризацией.

1.2. Христианизация Римской империи и варварских народов в IV веке

Рассматривая христианизацию Римской империи и варварских народов, необходимо отметить, что именно IV век сыграл весьма значимую роль для судьбы христианской религии, а также античного мира и всего последующего развития европейской цивилизации. В значительной степени данная роль определялась процессом христианизации Римской империи, составляющим, можно сказать, основное содержание данной эпохи с позиции перспектив исторического развития, а также влияния на будущий облик Европы в целом. Подчеркнем, что до начала IV в. христианизация носила в большей степени спонтанный характер, т.е., она протекала в условиях нелегального, либо полуполюгального статуса христианской религии в римском государстве, и, при этом, влияние христианства на разные стороны и сферы

жизни римского общества в целом было незначительным, как и число самих христиан, а христианская церковь в тот период времени еще не выступала в качестве сильной и четко структурированной организации.

В IV в. – то есть в период от Константина до Феодосия происходит процесс так называемого «обращения» Римской империи в христианство и своего рода «обращения» христианства в Римскую империю. Конечным результатом данных взаимных обращений стало то, что Римская Империя к V в. уже являлась христианской империей, став такой моделью государства, которое было вполне типично для последующих веков. Однако Римская империя христианской стала не только в силу этого, а еще и в силу того фактора, что с конца IV в. христианство постепенно начинает оказывать значимое влияние практически на все возможные сферы жизни римского общества и начинает выступать в качестве важнейшего исторического фактора⁷⁸.

Необходимо отметить, что изучение процесса христианизации Римской империи в IV в. представляет весьма большой научный интерес и выступает в качестве важного для понимания особенностей исторического перехода человечества от античности к средневековью, а также для определения влияния христианизации Римской империи на последующие исторические судьбы Европы. Христианизация, как особый исторический феномен, представляет собой особый процесс взаимовлияния и взаимодействия всех структур позднеантичной цивилизации (то есть социальной сферы, экономики, государства, а также идеологии и культуры) и христианской религии со всеми имеющимися у нее институтами (то есть церкви, как политического и экономического организма, как христианской идеологии и культуры).

⁷⁸ Бауэрсок Г. Римская империя в постимпериалистической перспективе // ВДИ. 1997. № 4. С. 52.

IV в. (то есть период от Константина до Феодосия) был одним из таких этапов и был. В качестве отправной точки данного этапа можно обозначить так называемую «Константинову революцию». Подчеркнем, что заданные ею модели использовались на протяжении всего этого столетия и их логичное завершение приходится уже на время правления Феодосия. Таким образом, можно указать, что хронологические рамки данного этапа включают период, начиная с конца III в. – то есть времени начала реформ Диоклетиана, в котором созрели основные предпосылки «Константиновой революции», а также христианизации IV в. до конца IV в. – то есть окончания правления Феодосия, при котором происходит завершение основных процессов, начатых «Константиновой революцией». В обозначенный период христианизация в большей мере носила всесторонний характер и при этом протекала наиболее интенсивно⁷⁹.

В свою очередь территориальные рамки определяться могут преимущественно границами Римской империи, хотя в отдельных случаях, особенно, когда речь ведется о распространении христианства, может быть включение варварской периферии и ряда стран непосредственно за пределами Римской империи. Также укажем, что изучение христианизации варваров имеет еще особое значение в связи с их значимой ролью в исторических судьбах Европы после окончательного крушения Западной Римской империи, при том, как изучение распространения христианства за восточными границами Римской империи весьма важно для четкого понимания и осознания истории Византии и постепенного проникновения христианства на восток⁸⁰. Как любой исторический процесс христианизация обладала не только религиозной стороной, но и политической, социальной,

⁷⁹ Гуревич А.Я. Начало феодализации в Европе // Гуревич А.Я. Избранные труды: в 2х тт. М.: СПб., 1999. Т. 1. С. 189.

⁸⁰ Казаков М.М. Проблема христианизации Римской империи // Исследования по зарубежной истории. Смоленск, 2000 С. 199.

экономической, а также культурной. И как любое историческое явление христианизация включала в себя самые различные компоненты и аспекты.

С нашей точки зрения, в качестве основных компонентов христианизации Римской империи в IV в. можно обозначить следующие аспекты интересующего нас процесса.

В качестве первого важнейшего аспекта обозначим исторические причины. Именно исторические причины так называемой «Константиновой революции», открыли период взаимодействия между Римской империей и христианством. При этом в качестве основной причины данной «революции» можно назвать кризис III в. практически во всех его проявлениях – социальном, экономическом, политическом, а также культурном и идеологическом. В данный аспект входит также и конкретно-историческая обстановка конца III – нач. IV вв., когда реформы Диоклетиана-Константина Римскую империю поставили перед необходимостью осуществления пересмотра в государстве роли религии. Поэтому без тщательного изучения «Константиновой революции» практически невозможно в полной мере понять феномен последующей за ней христианизации.

Подчеркнем, что христианство возникло практически на развалинах классического античного мира, и Римская империя, которая стала новой формой сохранения античных традиций непосредственно в новых исторических условиях, становится одновременно и соответствующим условием развития и активного распространения новой религии, которая выходила объективно за рамки классической античности, хотя она и основывалась именно на ее достижениях. При этом оба специфических организма – как христианство, так и Римская империя – являлись следствием трансформации и разложения полисных структур, а также порождением практически одних и тех же исторических условий, и поэтому уже в силу этого они должны были иметь соответствующую тенденцию к объединению.

В начале IV в. смогли сложиться максимально благоприятные условия не только для их сближения, но также и для зарождения союза.

В этом отношении некоторый интерес представляет личность императора Константина и его обращения в христианство и личностный фактор в целом. В 330 г. Аврелий Константин (272–337 гг.) переносит столицу Византийской империи в Константинополь, тем самым организовав новое государственное устройство. В личной жизни Константина первой проповедницей Евангелия становится его мать Елена, являющаяся тайной христианкой. Отношение Константина к христианам поначалу носит больше охранительный характер, так как он издает закон, призванный защищать христиан от иудеев, предоставляет также Церкви отпускать рабов на волю. Впоследствии у Константина, который не находит удовлетворения своих религиозных чувств в язычестве, намечается перелом в направлении христианства. Осознавал превосходство христианской религии, он своих детей воспитал христианами. Константин стремился всюду соблюдать равенство религий, даже в мелочах. Стремясь помочь Церкви Христовой стать единой, хотя бы на уровне административных и финансовых ресурсов, император уделял много внимания ереси арианства. Кроме этого, тем, что Константин председательствовал в Никее на Вселенском соборе, и в дальнейшем, воплощая церковный приговор об изгнании Ария, он еще более откровенно выказал решимость обозначать свою причастность к делам Церкви.

Закрепив в 312 г. Миланским эдиктом практически полную свободу для христиан, Константин тем самым юридически признает бытие Церкви. Он ратовал за дальнейшее расширение привилегий Церкви в качестве особого института и укрепления ее положения в обществе. Конечным результатом его деятельности стало то, что в дальнейшем произошла вполне

естественная христианизация стран и народов, входящих в Римскую империю⁸¹.

В целом религиозно-политическая деятельность Константина после издания Миланского эдикта историками была разделена на два периода, а именно: 313–323 гг. – осуществляется политика в рамках законодательства Миланского эдикта, а также вынужденным образом согласованная с восточным правителем Лицинием; 323–337 гг. – период после победы над Лицинием – ведется политика открытого покровительства христианству и одновременно ограничения язычества. В соответствии с распространенным в российской церковной историографии мнением, практически уже в первый период своей политической деятельности Константин выступает покровителем христианства. При этом, ссылаясь на Евсевия, историки называли следующие мероприятия императора в пользу христианства: периодическое наделение христианских общин как движимым, так и недвижимым имуществом, восстановление имеющихся и строительство новых храмов, выделение определенных денежных средств, обеспечение некоторых привилегий христианскому клиру, запрет принудительного привлечения христиан непосредственно к принесению языческих жертв, назначение именно христиан на высшие как государственные, так и военные должности и т. п. (Euseb. Vita Const. II. 20-22; 44-46). В свою очередь А.П. Лебедев настоятельно подчеркивал, что возведение христианства непосредственно в статус государственной религии сопровождалось существенным ущемлением язычества⁸².

Тем не менее, многие историки религиозную политику Константина после издания Миланского эдикта признавали прохристианской, однако терпимой относительно к язычеству. Именно в этом они видели его

⁸¹ Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М., 2010. С. 78.

⁸² Лебедев А.П. Эпоха гонений на христиан и утверждение христианства в греко-римском мире при Константине Великом. СПб., 1994. С. 309.

важнейшую политическую заслугу непосредственно перед мировой историей, а также наглядное свидетельство его государственной мудрости⁸³.

В целом же, итогом религиозной политики Константина можно назвать формирование основ христианской империи именно с новой столицей – Константинополем, особое местоположение которой определило во многом своеобразие восточного христианства. При этом подавляющее большинство религиозно-политических мероприятий Константина, связанных с ограничением язычества и неизменным возвышению христианства были ориентированы в большей мере на формирование нового типа государственности. Практически вся религиозная политика Константина, который была направлена на одну цель – созданию практически идеального теократического государства, которое соединяло бы все народы империи в одну общую религию. Исключительно в свете данных мотивов и идеалов, возможно оценить всю высоту замыслов и действий самого первого христианского императора. Тем не менее, отношения церкви и государства именно в том виде, как они были установлены при первом христианском императоре, безусловно, не могли быть идеальными, и их отрицательные стороны весьма отчетливо себя проявили при его ближайших преемниках.

В свою очередь деятельность Феодосия Великого, направленная против язычников проявлялась преимущественно в двух формах, а именно: 1) целенаправленное уничтожение языческого культа, 2) всяческое ограждение христиан от возможного перехода в язычество. При этом, если в первом случае он продолжает политику Констанция, то во втором случае –

⁸³ *Терновский Ф.А.* Грековосточная церковь в период вселенских соборов. Чтения по церковной истории Византии от императора Константина великого до императрицы Феодоры (312–842). Киев, 1883. С. 12–14; *Чельцов И.В.* Внешнее положение церкви в первые три века христианства // Христианское чтение. 1859. Ч. II. С. 140–146; *Курганов Ф.А.* Отношения между церковью и гражданской властью в Византийской империи в эпоху образования и окончательного установления характера этих взаимоотношений (353–566 гг.). Казань, 1880. С. 19–20; *Лашкарев П.* Отношение римского государства к религии вообще и к христианству в особенности (до Константина Великого включительно). Киев, 1876. С. 134–135; *Кипарисов В.* О свободе совести. Опыт исследования вопроса в области истории церкви и государства с I по IX вв. Вып. 1. М., 1883.. С. 158–161; *Алфионов Я.* Император Юлиан и его отношение к христианству // Православный собеседник. 1877. Февраль. С. 166–167; *Гидулянов П.В.* Восточные патриархи в период четырех первых вселенских соборов. (Из истории развития церковно-правительственной власти). Ярославль, 1908. С. 38.

становится первым императором, восполнившим пробел, имеющий место во всех законах против язычества⁸⁴.

В целом к концу IV в. завершается создание той системы церковно-государственных отношений, базис которой был заложен при Константине Великом. При этом церковно-политическая деятельность двух названных императоров обозначила важный этап становления православной христианской империи, где Константин являлся «альфой», а Феодосий – выступал в качестве «омеги» церковной политики⁸⁵. Значимом фактом, наглядно подтверждающим завершение процесса христианизации Римской империи, явилось крещение Феодосия, которое несколько по-новому осветившее церковный статус императора в целом.

Процесс распространения христианской религии на территориях Римской Империи, а также и за ее пределами и в разных социальных прослойках римского общества был прямым образом связан с социальной ролью христианства практически во всей социальной жизни империи. Осознание этого способствует пониманию реальных размахов процесса христианизации и ее непосредственного влияния на различные стороны как общественной, так и частной жизни позднеантичного общества. Кроме этого, необходимо подчеркнуть, что на современном этапе изучение данного аспекта стало возможным при помощи применения современных компьютерных методов обработки массового материала, а также как письменных источников, так и археологических данных. Отметим, что применение такой методики способны дать результаты, по своему значению близкие к статистике⁸⁶.

⁸⁴ Воробьёва Н.Н. Проблема отношений христианской церкви и государства в Римской империи I–IV вв. в освещении отечественной историографии второй половины XIX – нач. XX в. Омск, 2005. С. 75.

⁸⁵ Чернявский Н.Ф. Император Феодосий Великий и его царствование в церковно-историческом отношении. Сергиев Посад, 1913. С. 614.

⁸⁶ Казаков М.М. Христианская церковь и Римская империя в IV в. // Очерки истории христианской церкви в Европе (Античность, средние века, Реформация). Смоленск, 1999. С.30.

Рассматривая процесс христианизации, укажем, что те ее методы, которые имели в своей основе ненасильственный характер, применялись в большей мере до того момента, когда христианство становится государственной религией. После этого христианизация, наоборот, начинает осуществляться преимущественно насильственными методами, своего рода «на почве закона»⁸⁷, и в этом случае ее подкрепляла уже сила государства и его властные структуры. Кроме этого, IV век характеризуется как уникальный период в отношении равновесия язычества и христианства, что его делает особенно интересным с позиции изучения так называемых «мирных» методов христианизации.

Отметим, что многие изменения в повседневной жизни римлян, а также их поведении и психологии происходили непосредственно под влиянием христианства. В этом отношении как психологический, так и поведенческий аспекты христианизации более целесообразно рассматривать и на индивидуальном уровне (например, на базе «Исповеди» Августина), и на уровне социальной психологии – то есть анализе отдельных общественных групп и социальных прослоек. С этой целью необходимо привлечь весьма широкий круг источников не только христианского характера, но также и языческих, так как происходившие изменения моральных общественных норм непосредственно под влиянием христианства нашли свое отражение и в некоторой нехристианской части общества.

В рассматриваемый период формирование церкви осуществлялось не только как религиозного института позднеантичной цивилизации, но также и как идеологического и политического, которое происходило непосредственно на фоне борьбы внутри самой церкви. Конечные результаты и значение данной борьбы оказывали впоследствии прямое влияние на общий исход христианизации. Подчеркнем, что в процессе христианизации

⁸⁷ Чернявский Н.Ф. Указ. соч. С. 432.

церковь практически не могла не использовать богатейшего опыта римского государственного строительства, и поэтому многие величайшие деятели рассматриваемой эпохи являлись прекрасными администраторами и политиками (например, Амвросий Медиоланский, Василий Великий, Синезий Киренский и др.). Кроме этого, формирование церковного аппарата не могло осуществляться в отрыве от государственных структур, постепенно приспосабливаясь к которым церковь сама начинала превращаться в самостоятельный политический институт. Тот факт, что церковь своего рода «примкнула к данным государственного строя»⁸⁸, явился, можно сказать, необходимым условием возвышения ряда отдельных епископов уже в силу самого политического значения некоторых главных городов Римской империи, в которых эти епископы занимали свои посты. При этом все становление церкви как политического института осуществлялось в неразрывной связи с процессом формирования собственной церковной идеологии, которая с чисто христианскими представлениями, свойственным для первых веков истории христианства, не всегда совпадала.

Рассматривая также и такой аспект, как отношения между церковью и государством, а также их взаимодействие и взаимовлияние, необходимо подчеркнуть, что основным показателем данных отношений стала религиозная политика римских императоров, с одной стороны, а также отношение лидеров церкви непосредственно к политическим проблемам, с другой стороны. То есть политический аспект христианизации включает в себя формирование церкви именно как политического института Римской империи, с одной стороны, а также религиозную политику римского правительства, с другой, и при этом взаимодействие между церковью и государством, с третьей стороны. Поэтому именно изучение данных сторон политического аспекта христианизации способствует выявлению

⁸⁸ Корсунский А.Р. Вестготы и Римская империя в конце IV — начале V века. //Вестн. МГУ. Серия IX. История. М., 1965. №3. С. 99.

действительной ее роль в судьбах Римской империи и, более шире, позднеантичного мира. В этом случае наиболее рельефно является сочетание новаций и традиций в сложном процессе христианизации. Определение данного сочетания способствует также решению проблемы преемственности христианства и античности именно в политической сфере. Невзирая на то, что эта проблема была изучена весьма основательно как в отечественной, так и зарубежной научной литературе, тем не менее, рассмотрение ее с позиции всех аспектов христианизации в их едином комплексе и взаимосвязи может все же представлять особый интерес и показать новые результаты⁸⁹.

Процесс формирования собственности церкви способствовал превращению ее в особую экономическую структуру позднеантичного общества, а также зарождению, с одной стороны, отношений между формирующейся церковной собственностью и корпоративной собственностью, а также римской частной собственностью и императорской собственностью – с другой. Отметим, что именно в IV в. заложены были основы той базы, которая сумела церковь в средние века сделать крупнейшим феодалом, и позволила ей пережить последующее крушение самой Римской Империи. Кроме этого, следует подчеркнуть, что процесс формирования церковной собственности стало возможным исключительно после Миланского эдикта, и именно Константином были заложены ее основы, так как после Никейского собора 325 г. им было отдано распоряжение местным церквям отдавать сбор с определенной части податной земли каждого отдельного города. В этом отношении стоит указать, что в IV в. собственность церкви формировалась все же не столько за счет государства, сколько именно за счет завещаний и частных пожертвований.

⁸⁹ Болотов В.В. Лекции по истории древней церкви: Репринт.изд. М.,1994. С. 364.

В качестве следующего аспекта можно обозначить формирование церковного права, а также взаимодействие римского права и формирующегося канонического права. Такого рода взаимодействие выступало в качестве важнейшей стороной христианизации, и оно возможным стало, только начиная с момента легализации христианства. При этом Кодекс Феодосия, который был создан уже после того момента, как христианство становится государственной религией Римской империи, явился источником канонического права вместе со Священным Писанием и решениями церковных соборов. При этом следует указать, что последняя книга, имевшая название «Об универсальной или католической церкви», словно бы венчала весь труд, включая в себя императорское законодательство о христианстве и церкви, непосредственно начиная с Миланского эдикта.

Взаимовлияние и взаимодействие христианства и античной культуры, христианской религии и язычества, а также формирование христианской науки, литературы, искусства и философии – это еще один аспект христианизации. Подчеркнем, что в качестве составной части процесса христианизации такого рода взаимодействие отмечалось в период некоторого относительного равновесия между христианством и язычеством, и при этом в историческом масштабе такой период взаимовлияния был достаточно коротким. Тем не менее, обозначение данного аспекта позволяет выявить избирательное отношение христианства к античным ценностям, а также обозначить проблему преемственности как античности и христианства, так античности и средневековья. В данном отношении существенную важность имеет вопрос, связанный с отношениями христианства и античной культуры, который не может ограничиваться только вопросом о борьбе язычества и

христианства как отдельных религий, а затрагивает наиболее широкие возможные аспекты взаимоотношений старого и нового миров⁹⁰.

Таким образом, в целом эпоха великого переселения народов и формирования варварских королевств являлась также и эпохой христианизации варваров. Источники в этом отношении фиксируют так называемое «совпадение» военных побед, которые одерживались вождями в самые сложные и критические моменты противоборства с врагом, а также с актами обращения их в новую веру. Например, именно таким образом, согласно Григорию Турскому, католичество принял легендарный Хлодвиг (Greg. Turon. Hist. Franc).

Важно подчеркнуть тот факт, что для варваров христианский Бог не мог предстать в облики Иисуса Нагорной проповеди (то есть заповеди «не возжелай жены ближнего своего», «не убий» и многие другие были в явном противоречии с основными ценностями варваров). При этом христианский Бог для них – это Бог Ветхого Завета, Вседержитель, Пантократор, некий могущественный дарователь победы. Укажем, что для них он победу дарует не слепо, как это имеет место в отношении языческих богов, а только целенаправленно – то есть тому, кто служит ему⁹¹.

В период между обращением Константина в 312 г. и воцарением Юстиниана в 527 г. католическая церковь не направляет миссионеров за границу Римской империи для обращения живших там язычников. Например, Ульфила селится среди готов за нижним Дунаем с той целью, чтобы в качестве епископа служить тем христианам, которые уже в то время жили в Готии. В свою очередь Палладий был призван Папой в Ирландию в 431 г. с той целью, чтобы служить там «шотландцам, верующим во Христа». То есть перед нами феномен, подобного которому не встречалось ни в IV, ни в V в.: 1) христианский священник именно по собственной инициативе

⁹⁰ *Неронова В.Д.* Вторжение варваров и крушение Римской Империи / История Древнего мира. Упадок древних обществ. М., 1983. С. 248.

⁹¹ *Казаков М.М.* Проблема христианизации Римской империи. Смоленск, 2000. - С. 196 - 204.

решает выехать за пределы Римской империи с той целью, чтобы проповедовать Евангелие среди представителей местного языческого народа; 2) правитель языческого народа, живущий весьма далеко за границами Империи, призывает к себе миссионера с целью обучиться его вере.

Однако не известно ни одного императора рассматриваемого времени, который бы верил в то, что общая религия может выступать в качестве мостиком между двумя государствами. Тем не менее, в отношении еретиков это утверждение являлось не совсем верным. Например, Везеготский король Теодорих II, арианин, посылает к галисийским свевам в Испанию Аякса, и тот обращает варваров-язычников в арианство. В католичестве в IV, V, а также в начале VI века ничего подобного практически не происходило⁹².

Подчеркнем, что вопрос об обращении германцев в христианство обсуждался не раз. Скорее всего, до падения в 476 г. Западной империи из всех германцев, которые еще жили за северной границей Римской империи, исключительно руги являлись христианами, однако после того, как германцы смогли занять провинции, практически ни один народ, за исключением англосаксов, языческим не оставался дольше, нежели на одно-два поколения.

Также отметим, что к концу царствования персидского царя в Персии христиан достаточно жестоко преследовали. При этом многие жертвы преследования смогли бежать, и многие же находили убежище в отдельных римских провинциях. В этом отношении вождь сарацинов Аспебет-язычник, вовсе не одобрял преследований и никаким образом не мешал бегству многих христиан. Однако путь от бедуинского шейха до католического епископа был исключительной редкостью. Позже, примерно около 473 г., во времена правления императора Льва I, арабский вождь, носивший имя Амурсес уходит от персов, добивается положения главного вождя сарацинов непосредственно в своей местности и захватил также римский остров Иотабе,

⁹² Томпсон Э.А. Указ. соч. С. 123.

находящийся в Красном море. Он занимался изгнанием римских таможенников и при этом обогатился на сборе римские пошлины. Кроме этого, он пытался договориться с римлянами и получить признание в качестве главного шейха арабов, живших в окрестностях Петры. Лев приглашает его в Константинополь, весьма радушно принимает его, даже разрешает ему сидеть среди патрициев во время проведения застолья. В благодарность такому доверию и приему Амурсес стал христианином!

Новый период начинается с воцарением Юстиниана, который считал, что тот народ, который принял католическую веру, превратится, скорее всего, в союзника католической Империи. При этом он вполне недвусмысленно это объяснил франкам в 536 г., убеждая их в том, что византийцы и франки должны сотрудничать, так как они отныне придерживаются одной религии. Он предложил также гомеритам и эфиопам объединиться с Восточным Римом в ведении борьбы против Персии «из-за единства веры»⁹³.

В качестве другого феномена VI в. можно назвать приезд в Константинополь отдельных варваров либо групп варваров, которые по своей собственной воле стремились принять крещение. Например, некий Грет, являясь королем германского племени герулов, приезжает в столицу со своей свитой, а также двенадцатью родственниками и просит окрестить его. Их всех Юстиниан охотно принимает, и они, конечно же, были крещены. Императора должно было особенно порадовать тот факт, что, возвратись на родину, герулы ему пообещали являться его союзниками во всех случаях, когда он бы ни призвал их к себе на помощь. Однако в этом случае инициатива непосредственно исходила не от Юстиниана, а именно от самих варваров.

⁹³ Томпсон Э.А. Указ. соч. С. 123.

Тем не менее, не всегда обращение в христианство заканчивалось так благополучно, как это было в случае с Гретом Герулом. Например, некий Грод, либо Гордас, являющийся королем гуннов и живший в районе крымского города Боспора, также приехал в Константинополь и затем принял крещение. Юстиниан, по сформировавшейся уже практике, осыпает его подарками и отправляет назад в Крым с тем, чтобы он занялся охраной имеющихся там римских владений, особенно это относилось к городу Боспор. Конечно же, подданные Грода являлись язычниками и поклонялись различным идолам. Как вскоре оказалось, Грод несколько поспешил, необдуманно переплавив идолов, изготовленных из серебра и золота, и продал их за наличные деньги в Боспоре. Эти его нетактичные действия привели в неопишемую ярость языческих жрецов, которые убивают Грода и поставили за тем на его место его же брата Мугеля. Подчеркнем, что это был один из тех достаточно редких случаев, когда правитель-варвар принял христианство, а его непосредственные подданные не последовали данному примеру. Мы наглядно видим, что обращение короля вовсе не обязательно за собой влекло обращение всего его подданного народа.

Таким образом, можно заключить, что в середине VI в. возникают некоторые новые феномены в христианском и языческом мире. До этого только отдельные варвары могли принимать христианство во время своей службы в римской армии, теперь же практически целые группы их обращались в христиан, вступая в императорскую армию. Кроме этого, отдельные люди и в некоторых случаях даже целые группы проделывали путь из диких просторов *Barbaria* непосредственно в Константинополь с весьма определенной и ясно обозначенной целью принять православное крещение. В этом случае новообращенный варвар на себя брал обязательство являться политическим союзником римлян. Как на южных границах, так и на краю степи священники (однако чаще всего не католические) именно по своей собственной воле принимают решение выехать за пределы Римской

империи и там проповедовать Евангелие. Стоящие у власти императоры приходят к стойкому убеждению, что общая религия – это также общая внешняя политика, при том, что такого рода убеждения не во всех случаях были справедливым. В этом случае и для византийцев, и для франков их собственные материальные интересы являлись намного более важными, нежели тот факт, что и те и другие себя называли католиками. То есть земля, разбой и власть при этом представляли больший сиюминутный интерес, нежели природа Божественной Троицы.

Однако и после принятия христианства варварское сознание чаще всего оставалось языческим. В этом случае такое понятие, как «христианизированные язычники», введенное в научный оборот Н.А. Бердяевым, как нельзя точнее характеризовало ситуацию в варварском мире рассматриваемой эпохи. Сохранившиеся культурные тексты эпохи – наиболее яркое тому свидетельство. Например, христианка Кримхильда в произведении «Песня о Нибелунгах» мстит сама за мужа, не возлагая «заботу» на бога о наказании убийц. Кроме этого, христианская вера вовсе не мешает Хагену, а также прибывшим с ним вместе к Аттиле бургундам во время боя утолить свою жажду кровью врага и т.д.

Отдельные изменение восприятия и отношения варваров, начиная со 2-й четверти IV в., заметным образом сказывается на политике римских императоров. В этом случае варвары в христианской модели в отличие от традиционной историографии рассматриваются в качестве воплощения хаоса, как некая противостоящая сторона, только пока они являются язычниками. В имеющейся христианской модели мира варвары к цивилизованному миру приобщаются непосредственно с принятием христианства⁹⁴.

⁹⁴ Казаков М.М. Христианизация Римской империи в IV веке. Смоленск, 2002. С. 121.

Таким образом, можно подчеркнуть, что в политическом сознании в IV в. обозначается возможность мирного включения варваров в цивилизованный мир, а также Римское государство. Подобное отношение к варварам в полной мере соответствовало сложившейся в то время политической практике на границе, в связи с чем, новая идеология была достаточно быстро принята властями. Основные проявления христианизации в политике римских императоров нашли свое выражение в следующем. Во-первых, вместе с сохранившимися от предыдущей исторической эпохи разрушительными рейдами, совершаемыми на варварские территории, основной акцент был перенесен на переселенческую политику, которая стала проводиться намного активнее, при этом те племена, которые переселялись на территории Римского государства, в обязательном порядке принимают христианство. Во-вторых, христианизация варваров становится практически неотъемлемой частью переселенческой политики. В-третьих, принятие христианства также становится и обязательной частью заключаемых договоров с варварами. Таким образом, христианство распространено было среди готов, сарматов, скифов и ряда других племен Причерноморья. Те племена, которые приняли христианство, воспринимались уже иначе. Например, Аммиан Марцеллин указывает, что после того как восстали и были разбиты готы и квады во времена Валентиниана, с ними мир был заключен практически на прежних условиях⁹⁵. Данный фактор наглядно говорит о том, что варвары-христиане становятся частью римского мира, и императоры стали воспринимать их в качестве своих подданных. О том же свидетельствует и характер происходящих переселений варварских племен, которые приняли христианство (Amm. Marc. XVIII.2.2).

Подчеркнем, если раньше при переселении варваров обычно селили на обезлюдивших территориях непосредственно вдоль границы, то начиная с

⁹⁵ *Свенцицкая И.С.* Раннее христианство: страницы истории. М., 1989. С. 154.

середины IV века варваров стали селить уже в центральных районах Империи, которые отдалены от границы. Известны были случаи поселения варваров в Италии, а также Фракии и Малой Азии. Такая политика выступает в качестве следствия христианизации политического мировосприятия, при котором в качестве главного критерия в многонациональной империи, который отделял «своих» от «чужих» становится именно религия, в связи с чем христиане-варвары начинают постепенно восприниматься как равные со всеми остальными правах.

И, все же, так называемая христианская «прививка» постепенно давала свои плоды, изменяя как стиль сознания, так и поведения варваров. Так, например, вожди усваивали христианскую мысль относительно правителя как пастыри своих людей и иногда поступали в соответствии с данной этической максимой.

Подчеркнем, что значение процесса христианизации Римской Империи IV в. и влияние данного процесса на все последующее историческое развитие весьма велики и совершенно очевидны. При этом значение вовсе не ограничилось исключительно рамками клонящейся к закату Римской империи и даже не ограничивалось процессом исторического перехода от античности к средневековью. В целом христианизация IV в. может послужить в качестве особой модели для более пристального изучения аналогичных процессов, которые происходили в других странах в последующие исторические эпохи.

Христианизация по своей сути в определенной степени является также универсальным явлением, которое встречается в самых разных уголках мира на протяжении последних двух тысячелетий истории всего человечества. Непрерывающийся процесс распространения христианства и в наши дни проблему христианизации делает весьма актуальной не только в академическом, но также и в практическом плане. Более широкое изучение процесса христианизации способствует выявлению ряда общие

закономерности распространения практически любой религии, особенно если она характеризуется мировым характером.

Кроме этого, христианизация, являясь многогранным и многосторонним явлением, позволяет проследить многие исторические связи различных аспектов общественного бытия также и применительно к истории поздней античности, способствует более глубокому пониманию процесса перехода к средневековью, который своей актуальности не утрачивает уже на протяжении многих столетий.

ГЛАВА 2. РИМСКИЕ ЕПИСКОПЫ И ВАРВАРЫ В IV- V ВЕКАХ

Рассматривая духовные и светские обязанности римских епископов, укажем, что в целом епископский сан – это высший священнический сан, третья ступень по величине в иерархии христианской церкви. Подчеркнем, что первые епископы появились в то время, когда вера в Христа только начинала завоёвывать человеческие души. Тогда считается, что сами апостолы, стремясь сохранить и упрочить церковь, себе избрали особых преемников – «епископов» (в пер. с греч. – «начальники» или «блюстители»).

§ 1. Духовные и светские обязанности римских епископов

Апостол Павел уже в «Послании к филиппийцам» приветствовал и благословлял епископа в Филиппах (Phil. 1-2). Со временем христиан становилось всё больше, и вместе с ними одновременно увеличивалось количество епископов. Так, например, уже с сер. II в. все крупные христианские общины находились под главенством епископов. Данный чин являлся выборным. Его избирали священники, а также верующие общины.

Епископ выступает в качестве носителя высшей благодати священства. При этом служение епископа вмещает в себя всю полноту апостольской власти. Епископ (см. приложение 1) является главным учителем местной Церкви и для мирян, и для клира⁹⁶. Кроме этого, епископу принадлежит право возглавить совершение таинств Церкви. Отметим, что именно епископ имеет право совершать рукоположения: как указывает свт. Епифания Кипрский, «чин епископов назначен преимущественно для рождения отцов, так как ему принадлежит в Церкви умножать отцов духовных» (Eriph. Adv. haer. 75 (45). 4). Именно только епископ имеет право освящать мир, то есть

⁹⁶ Послание патриархов Восточно-кафолической Церкви о правосл. вере. 10 // Догматические послания правосл. иерархов XVII-XIX вв. о правосл. вере. М., 1900. Серг. П., 1995. С. 157-163.

вступление в Церковь, которое происходит через осуществление Крещения и Миропомазание. Кроме этого, таинство Евхаристии совершается также или самим епископом, или же тем священником, которого епископ определяет непосредственно для служения в отдельном храме. Епископу отводится власть надзора, а также власть суда над местным клиром. Кроме этого, именно ему вверяется управление церковным имуществом. Без участия епископа либо благословения практически ничто в местной Церкви не может совершаться⁹⁷.

Необходимо подчеркнуть, что научно-критические теории происхождения епископата достаточно долгое время развивались именно в русле протестантской традиции, для которой было свойственно противопоставление так называемого «благодатного служения» (то есть харизмы) и своего рода «иерархического чина» в ранней Церкви. В этом случае епископат неизменно рассматривался в большей мере в качестве особого установления католической Церкви. Однако начиная с конца XIX в. многие ученые стремились выявить «докатолическую»⁹⁸ стадию развития церковных служений с той целью, чтобы доказать, что епископское управление Церковью вовсе не является ни Господним, ни апостольским установлением, и, поэтому, может быть упразднено.

Определенное оживление интереса непосредственно к истории происхождения епископского служения, которое наблюдается в конце XIX в. вызвано было открытием и периодической публикацией «Дидахе», а также ряда других литургико-канонических памятников ранней Церкви. Весьма широкое обсуждение вызвала исследовательская работа Э. Хэтча⁹⁹. В соответствии с теорией Хэтча, как наименование, так и функции епископов заимствованы были именно из греко-римского языческого мира, так как

⁹⁷ Thiering B. E. Mebaqqer and Episkopos in the Light of Temple Scroll // JBL. 1981. Vol. 100. № 1. P. 59-74

⁹⁸ Hilgenfeld A. Die vorkatholische Verfassung der Christengemeinde außer Palästina // ZWTh. 1890. Bd. 33. S. 223-245

⁹⁹ Hatch E. The Organization of the Early Christian Churches. L., 1881. P. 76.

изначально важнейшей функцией епископов являлось исключительно управление имуществом христианской общины. Но данное предположение было отвергнуто научным миром.

Наибольшим влиянием в этом отношении на протяжении всего XX в. пользовалась теория немецкого юриста Р. Зомы¹⁰⁰, в соответствии с которой харизматические христианские общины, изначально чуждые правового регулирования жизни, стали постепенно деградировать в легалистские институты. Также Зом постулировал некоторую двойственность в устройении Церквей уже в апостольскую эпоху: то есть основанные апостолом Павлом общины, будучи ведомыми харизматиками, с его точки зрения, противостояли тем общинам, которые были устроены по модели синагоги, которые возглавляли «старцы» (то есть пресвитеры). По мнению Зомы, епископы изначально отвечали только за совершение Евхаристии, а также управляли имуществом Церкви. Несмотря на то, что против названной теории Зомы практически сразу же выступили несколько видных ученых¹⁰¹, его работы все же были переведены на многие языки (в том числе на русский язык) и получили достаточно широкое признание. В XX в. обозначенную теорию Зомы стали пристально рассматривать такие ученые, как Х. фон Кампенхаузен, Э. Кеземанн, К. Кертельге и др.

Определенной альтернативой взглядам Зомы становится теория Гарнака, который активно доказывал, что в ранней Церкви одновременно действовали два способа управления, а именно: харизматически-религиозный и административно-экономический. При этом, если представители первого типа (пророки, апостолы, учителя) поставлены были Самим Богом непосредственно для всей Церкви, то, в свою очередь, представители второго типа (то есть епископы и диаконы) в то время избирались местными

¹⁰⁰ *Sohm R. Kirchenrecht. Lpz.; Münch., 1892. 2 Bde P. 19.*

¹⁰¹ Например, *Batiffol P. L'Église naissante et le catholicisme. P., 1909.*

общинами и при этом служили исключительно нуждам локальной Церкви¹⁰². Другой важный тезис Гарнака заключается в том, что становление епископата было тесным образом связано с переходом управления Церквями непосредственно от странствующих апостолов, пророков и учителей именно к остающимся на одном месте епископам. В свою очередь данную теорию Гарнака во многом разделял, например, А.П. Лебедев¹⁰³.

Отказу от достаточно жесткого противопоставления иудейских и греко-римских истоков епископского служения во многом способствовало обнаружение в кумранских текстах упоминаний таких институций, которые были схожих с христианскими. Доминирование в то же время в библеистике XX в. протестантских ученых неизменно привело к закреплению отдельных шаблонных представлений об устройстве ранней Церкви. Попытку осуществить примирение протестантских и католических взглядов на епископат предпринял епископ Реймонд Браун, предложив делать различие между епископским служением, а также епископскими функциями в ранней Церкви: с его точки зрения, отсутствие в раннехристианской общине епископского служения вовсе не означало отсутствия в ней тех лиц, которые осуществляли бы функции епископа¹⁰⁴.

Несколько иную теорию выдвигает Р.А. Кэмпбелл¹⁰⁵, который в качестве базовой модели для осуществления анализа устройства раннехристианских общин использовал модель так называемого античного «домохозяйства». Он в этом отношении указывал на тот факт, что христианские пресвитеры, как старцы в древних традициях, представляли собой изначально не иерархическую степень, а некую группу авторитетных лиц, которые были старшими по своему возрасту, а также давности

¹⁰² Harnack A. Entstehung und Entwicklung der Kirchenverfassung und des Kirchenrechts. Lpz., 1910. P. 31.

¹⁰³ Лебедев А. П. Духовенство Древней Вселенской Церкви: От времен апостольских до IX в.: Ист. очерки. М., 1905. С. 78.

¹⁰⁴ Brown R. Episkopê and episkopos: The New Testament Evidence // Theological Studies. Baltimore, 1980. Vol. 41. P. 322-338.

¹⁰⁵ Campbell R.A. The Elders: Seniority within Earliest Christianity. Edinb., 1994. P.74

обращения в христианство. В этом случае Кэмпбелл, рассматривая тексты Деян 14. 23; 20. 17-38; 1 Фес 5. 12; Рим 12. 8; 16. 2; 1 Кор 16. 16; Флп 1. 1, их относит к «старцам». То есть епископы и пресвитеры, с его точки зрения, обязательно должны рассматриваться в качестве синонимичных названий практически одного и того же служения, однако при этом первое указывает на функции, а второе - на статус.

Единый епископ начал избираться исключительно в крупных городах, где было несколько общин, с целью избежание конфликтов между ними, а также для координации их деятельности.

Также отметим, что епископ в качестве высшего представителя церковной власти непосредственно в управляемой им епархии обладали рядом административных, а также богослужебных и пастырских полномочий, которые осуществлялись им лично либо делегируемых другим должностным лицам. Также право регламентирует еще и порядок процедуры избрания епископов на должность епархиального архиерея и последующее освобождения его от данной должности; особое материальное обеспечение епископов; специфики церковно-юридической ответственности епископов. Все данные элементы правового статуса епископов претерпели в 4 – 6 вв. в Римской империи определенные изменения.

В целом управленческие полномочия епископов в канонических правилах и других памятниках церковного права практически никогда исчерпывающим образом не перечислялись. Чаще всего, применяются неопределенно широкие формулировки (например, епископ должен был управлять своей епархией своего рода «с осмотрительностью», «неопустительно быть при церковных делах» (Ап. 81), обязательно «разбирать все дела с рассуждением» (Антиох IX); при этом клирики «без воли епископа ничего да не совершают» (Ап. 39)) неизменно сочетаются с указанием на определенные права и обязанности епископов (например,

епископ клирикам выдают увольнительные грамоты¹⁰⁶ (Трул 17), он же дает разрешение на создание монастырей). То есть, церковная власть епископа на территории его епархии, в соответствии с канонами, является практически неограниченной. Именно ему подчинены все клирики, а также монашествующие епархии, подчиняются все приходы и монастыри, а также образовательные, благотворительные и другие епархиальные учреждения; епископы управляют церковной собственностью, производят судебное разбирательство именно по делам о церковных правонарушениях, а также назначают виновным наказания.

При епископах до IV в. функционировал специальный коллегиальный орган из священников – пресвитериум, обладающий совещательными функциями. Подчеркнем, что катехизация, а также вообще поучение народа всегда оставались прерогативой епископов. Кроме этого, назначение епитимий, принятие грешников в общение с Церковью осуществлялись также епископами. Начиная с IV в. в условиях христианизации Римской империи статус епископа существенным образом изменяется. То есть кроме только церковной власти епископ приобретает также в соответствии с государственным законодательством особый ряд административных полномочий, которые касались поддержания городского благоустройства, а также осуществления контроля за местными чиновниками и т.п. Епископы получают право производить судопроизводство по отдельным гражданским делам в том случае, когда стороны выражали соответствующее желание; таким образом, зарождается институт так называемого «епископского суда». То есть для компетенции римских епископов была характерна двойная, церковно-светская, компетенция. Наиболее ярко она проявлялась в эпоху средневековья, когда, с одной стороны, в ведении епископа и подчиненных

¹⁰⁶ *Никодим (Милаш)* (еписк.) Правила Святого Поместного Собора Лаодикийского. - URL: <http://lib.pravmir.ru/library/readbook/1320>.

ему лиц находились судопроизводство по семейным и наследственным делам¹⁰⁷.

Основные требования, которые предъявлялись к кандидату в епископы, сформулированы были еще апостолом Павлом (1 Тим 3. 2-7; Тит 1. 7-9). Они преимущественно сводились к тому, что кандидат в епископы обязательно должен обладать безупречным нравственным обликом, а также достаточными богословскими познаниями, иметь хорошую репутацию (в том числе и среди так называемых «внешних»), обязательно быть единобрачным и при этом не принадлежать к числу недавно крещеных.

В качестве церковно-должностного лица и представителя церковной власти, епископ имел право на определенное материальное вознаграждение непосредственно за исполнение своих обязанностей. Однако первоначально доходы епископа состояли исключительно из добровольных пожертвований верующих. В византийскую эпоху к ним прибавляется государственное жалованье (начиная с 315 г., когда император Константин I Великий издает указ относительно содержания духовенства (Euseb. Hist. eccl. X 6.)), а также прибыль от использования церковной собственности.

Рассматривая обязанности епископа, необходимо подчеркнуть, что он должен надлежащим образом исполнять все свои должностные обязанности; в случае совершения епископом правонарушений он неизменно несет церковно-юридическую ответственность. В западной части Римской империи, уже начиная с III в., епископы достаточно часто выступали в качестве патронов в отношении к населению своих диоцезов. Епископы имели полное право выступать как свидетелей при заключении браков, а также торговых сделках, при освобождении рабов и т.д. Они, кроме всего прочего, должны были заботиться о брошенных детях, а также сиротах и вдовах и при этом имели право без всяких ограничений посещать

¹⁰⁷ Van Dam R. Leadership and Community in Late Antique Gaul. Berkeley, L., Los Angeles: Univ. of California Press, 1985. P. 69.

заключенных. Кроме этого, к защите непосредственно со стороны епископа могли прибегать нищие и обездоленные. Основные права и привилегии епископы были частично отражены в позднеантичном имперском законодательстве. Епископы обладали отдельным рядом исключительных привилегий (например, правом пользования имперской почтой, что им позволяло достаточно быстро перемещаться практически в любой конец Римской империи). Отметим, что в V в. на Западе в руки епископов частично стали передаваться отдельные административные функции, тесным образом были связанные не только с управлением непосредственно Церковью, но также и с общественной жизнью. Кроме этого, создание на территории Римской империи отдельных варварских королевств епископов превратило в главных защитников христиан.

Константин Великий, который, как нами уже обозначалось ранее, покровительствовал христианам и, наблюдая, какое влияние данная религия оказывает на людей, решает ее использовать на благо государства. Для этого он проводит реформу государственного устройства, при этом поделив Римскую империю на четыре префектуры, а, в свою очередь, префектуры – на диоцезы, диоцезы – уже на провинции. При подобном делении начальники меньших территорий неизменно подчинялись начальникам больших¹⁰⁸.

Церковь в этом отношении не была исключением и также достаточно быстро перестроила своё управление непосредственно по образцу светской власти. Во многом этому способствовал тот факт, что главными городами диоцезов наиболее часто являлись те, епископы которых пользовались так называемым «преимуществом чести». Только оставалось предоставить им «преимущество власти» (то есть право главенствовать над епископами маленьких городов), что и было осуществлено в IV и V вв. Таким образом, была установлена церковная иерархия. Благодаря этому епископы провинций

¹⁰⁸ Stark A. *Renouncing the World. Yet Leading the Church: The Monk-Bishop in Late Antiquity*. Harvard University Press, 2004. P. 168.

начинают подчиняться епископам диоцезов, которые стали именовались уже архиепископами. Выше них стояли только патриархи. Именно таким образом стали называть иерархов церквей, согласно преданию основанных самими апостолами (то есть патриархи Римский, Александрийский, а также Антиохийский, позднее - Константинопольский). Однако, патриархи Рима и Александрии больше предпочитали называть себя «Папами» («ра» - это отец), как было исторически принято. Также значительно изменилась и сама система процесса избрания епископов. Теперь делали это практически все епископы провинции. Новоизбранного рукополагал патриарх.

Император как руководитель и наблюдатель отмечал все переплетения жизнь римского государства церкви. При том себя он называл не иначе, как «епископом внешних дел церкви», утвердив за церковью право приобретать земли, согласившись одновременно с тем, чтобы епископы имели право осуществлять нравственный контроль как за правителями областей, так и высшими государственными чиновниками. Кроме этого, Император существенно возвысил суд церкви, приказав, чтобы решение суда епископов неизменно почиталось выше приговора всех иных судей. Таким образом, церковные иерархи – то есть епископы – оказались в весьма выгодном союзе с государством¹⁰⁹.

Подобное положение сохранялось и в тот период, когда Римская империя под ударами варваров пала и на её территории одно за другим возникли новые королевства. Их правители со временем становятся христианами, а короли и епископы в качестве высших церковных властителей старались с наибольшей выгодой друг друга использовать. Епископы, практически всемогущие в своих епархиях, активно стремились пользоваться такой же властью также и в делах государства. Нередко прекрасно образованные, особенно в сравнении с малограмотными либо

¹⁰⁹ *Liebeschuetz J.H.G.W. Barbarians and Bishops: Army, Church and State in the Age of Arcadius and Chrysostom. Oxf.: Clarendon Press, 1992. P. 157.*

совсем неграмотными правителями, хорошо умеющие вести спор, епископы становились близкими и просто необходимыми советниками королей, а также наставниками их наследников. Конечно же, достигнув желаемых высот, они епископы неустанно заботились именно о выгоде церкви, не забывая, безусловно, и себя¹¹⁰.

Короли также не оставались в долгу. Они и многие знатные сеньоры церкви жаловали земли, имения, в отдельных случаях даже целые области – как на содержание епархии, так и из милости. Нередко епископы, становившиеся обладателями данных земель, превращались практически в вассалов дарителя. В конечном итоге, вассальная зависимость епископов неизменно привела к тому, что власть светских сеньоров начала простираться также и на церковные дела.

Период IV- V вв. – это период возвышения епископского сана. Неизменно сохраняя за собой все ему принадлежащее церковное значение, которое было словно освящено историей, епископ рассматриваемого периода выступал в качестве конкретного носителя всех тех внешних привилегий, какие церкви предоставило римское государство. Являющийся с морально-психологических позиций пастырем душ, со внешней стороны теперь вырастает до значения высшего государственного сановника. Непосредственно в пределах своей духовной власти епископ становится такой силой, пред которой нередко склонялись сами царственные особы нисходя иногда до просьб, а также до усиленного умаливания, как это имело место с Евдоксией, когда явилась она в роли посредницы между Златоустом и Севирианом. Такого рода внешний рост епископского сана неизменно сказывался в почтительных титулах. Их истоки прослеживаются уже в прежнем периоде. Однако теперь они находят выражение в превосходных степенях: «боголюбезнейший и святейший» – это наиболее постоянный

¹¹⁰ *Евтухов И.О.* Концепция человека поздней античности. Мн., 1991. С. 81.

эпитет епископа. Епископы могли заявлять требования отдельный внешний в зависимости от ситуации (Philost. Hist. Eccl.).

Подчеркнем, что уважение к священному сану вообще было очень высоко, а к епископам тем более. В принципе епископский сан являлся предметом благоговейного уважения как мирян, так и клира, например, даже судимый собором епископ по-прежнему продолжал носить титул «боголюбнейшего и святейшего» – непосредственно до того момента, когда с него церковный суд снимал его высокий сан и тем самым низводил в разряд нечестивых. Однако необходимо отметить, что в этой почитаемой «высоте» власти епископов имелся и определенный момент ее ограничения. В рассматриваемый период сана епископа искали очень многие, поэтому необходима была достаточно большая осторожность в выборе, а христианская община тогда была не настолько честна, а также высока и умственно и нравственно, чтобы быть способной при подаче голосов руководиться исключительно церковными интересами. В связи с эти выборы на епископские должности являлись поистине критическим моментом для всего общественного спокойствия. Все это, безусловно, приводило к определенному ограничению епископского значения и влияния¹¹¹.

В древней церкви съезд епископов, как только узнавали о смерти епископа, являлся необходимым. В познеантичной церкви твердо установилась практика избрания епископов посредством «ψήφος καὶ δοκιμασί α» (примерно переводится как «голос и тест»). Способ замещения кафедры обозначался словами «ψήφω καὶ δοκιμασί α». В этом случае «Ψήφος» - это значит камешек или шарик; однако в дальнейшем – это баллотировка или подача голосов. В свою очередь «Δοκιμασί α» – это испытание пригодности, особая проверка или апробация; которая в нашем случае означает акт деятельности собора епископов. Именно поэтому при

¹¹¹ Gilliard F.D. Senatorial Bishops in the Fourth Century // Harvard Theological Review. 1984, № 77. P.160.

осуществлении избрания епископа обязателен был соответствующий съезд епископов, на котором проверялся ψήφος, и уже затем совершалось рукоположение новоизбранного. Впрочем, соседние епископы имели право и не участвовать в самой процедуре избрания. В этом случае они могли прибыть только на второй-третий день по смерти епископа и паству застать уже решившею вопрос о преемнике. Им только оставалась проверка данного избрания¹¹². Епископы обязаны были судить, насколько дельным и соответствующим цели оказалось избрание определенного лица. Подача голосов начинали с прибытия епископского собора, и она продолжалась до момента хиротонии над избранным новым епископом. После чего, новоизбранный для объявления о своем поставлении в епископы, тем епископам, которые не принимавшим в нем участия, отправлял к ним специальное послание, к нему прилагая исповедание веры. Такое послание называлось «συνοδική», так как вновь избранный епископ писал его в то время, когда собор еще не расходился. Вся принимавшие участие в выборе к этому исповеданию прилагали свои подписи и тем самым подтверждали свое единомыслие с новоизбранным епископом. Конечно же, у епископов из разных областей не было союза. Те епископы, которые случайно бывали в епархиях, которые были ближайшими к их кафедрам, безусловно, знали некоторых диаконов и пресвитеров, однако всего клира не знали и среди них не могли указать достойнейшего на занятие освободившейся по причине смерти прежнего епископа кафедру. В целом достойнейшего мог указать только ушедший епископ, что он иногда и делал перед кончиной. Но вообще такой важный выбор принадлежал клиру и народу. Таким образом, при назначении епископов выборное начало в то время имело место, но оно имело некоторые ограничения.

¹¹² Cameron Av. The Mediterranean World in Late Antiquity AD 395-600 / Av. Cameron. L.-N.Y., 1993. P. 121.

Первоначально епископ был практически первым кандидатом на мученическую смерть. Так как в том случае, если начиналось гонение, то епископ, будучи начальником, первым должен был пострадать. Он, конечно же, был в почете, однако в плане материального вознаграждения не имел многого, так как христианская церковь христианская была бедна, а все приношения и взносы неизменно тратились на нужды самой церкви. Из данных взносов и приношений получали определенную часть и клирики, так как они также относились к разряду нуждающихся. IV век принес большее финансовое благополучие, но обозначил несколько неблагоприятный перелом в практике избрания епископов. Подчеркнем, что в этот период времени злоупотребления стали встречаться намного чаще. В этом случае в качестве одного из регуляторов данного процесса стало являться то, что на вдовствующую кафедру нередко избирались лица той же паствы, а не другой. При этом против перемещения часто раздавались резкие и серьезные голоса. Таким образом, в рассматриваемый период времени постепенно ограничивался круг избираемых епископов. Тем не менее, во многих церквях этой практики держались, и с кафедры на кафедру перемещений не отмечалось. Так, например, на римскую кафедру избирались члены только из местного клира. В свою очередь, в александрийской церкви данная практика ориентировалась на ограничение также и круга избирателей. Обыкновенно должен был избирать народ; однако многочисленная толпа нередко превращалась в противоречивый бунт и шла на безобразия. В связи с этим право избрания предоставлять стали уже не всем мирянам, а исключительно более почетным¹¹³.

24 сентября 366 г. умирает римский епископ Либерии, известный по своим отношениям к арианам. 1 октября 366 г. рукоположен был его преемник – Дамас. Однако он был вовсе не единственным избранником.

¹¹³ Cameron A. The Later Roman Empire, A.D. 284-430. Cambridge, Mass., 1970. – XVI. P. 344.

Противоположная партия избирает Урсина и посвящает его. Конечно, при наличии двух кандидатов на кафедру возникли противоречия и бурные сцены с открытой борьбой. Бились практически насмерть. Префект города, Ювентий не сумел обуздать толпу, и поэтому был вытеснен в предместье. Нашлись также радетели из партии дамасиан, которые привли к данному делу *quadrigarios* (то есть управляющих колесницами в цирке). 26 октября 366 г. в базилике творилось такое ожесточение, что согласно беспристрастному свидетельству Аммиана Марцеллина (*Amm. Marc. XV.5.2*), в базилике было найдено 137 трупов из партии урсиниан, а согласно свидетельствам другого автора, 160 трупов. Когда все же урсиниане заняли базилику, тогда дамасиане стали пытаться выломать в ней двери либо ее поджечь, чтобы оттуда вытеснить ненавистных противников. Далее они взобрались на крышу и начали бросать в урсиниан черепицы и потом поддерживаемые квадригариями, врываются в базилику и здесь начинают избиение (*Zos., 2.33-34*). В конечном итоге спокойствие восстановлено было впоследствии через применение казней как мирян, так и клириков¹¹⁴.

Описанная борьба между Дамасом и Урсинем показывает яркий, однако далеко не единственный пример потрясений, возникающих во время выборов епископов. Дни Дамаса и Урсина нашли свое повторение в Риме и в 418 г., когда после смерти Зосима одна партия выбрала архидиакона Евлалия, которого и посвятили в епископы остийского, имевшего издавна это право, при том, как другая выбрала пресвитера Бонифатия. При этом первый мог хвалиться тем, что был посвящен епископом остийским, второй же тем, что его посвятили не 3, а 7 епископов. Еще через 80 лет повторяются те же кровавые сцены, когда после смерти Анастасия II одна партия избирает диакона Симмаха (22 дек. 499 г.), а другая избирает архипресвитера Лаврентия. В этом случае ожесточение партий было таким большим, что

¹¹⁴ *Болгов Н.Н.* Власть и общество в эпоху поздней античности (к постановке проблемы) / Власть, человек, общество в античном мире. М., 1997. С. 163.

когда Симмах пришел на суд собора (501 г., synodus Palmaris), то противники начали осыпать его градом камней, и папа искать должен был спасения под прикрытием императорской готской гвардии. Наконец, отметим, что после смерти Феликса IV (530 г.) голоса также разделяются: одна партия избирает Бонифатия II, другая выдвигает Диоскора. Сторонники того и другого кандидата готовились к весьма упорной борьбе за своего выдвиженца, однако Диоскора неожиданно умер, избавив Рим от новых кровавых сцен, а Бонифатия от весьма опасного соперника. Столь болезненная и порой кровопролитная борьба за место епископа была, с нашей точки зрения, вовсе не случайна, так как епископы в рассматриваемый период были наделены существенной властью¹¹⁵.

Осуществив легализацию христианских общин, императоры также восстановили их имущество при поддержке государства. «Ты во всех делах обязан, - написано в рескрипте, который был адресован императорским чиновникам, - оказывать наиболее действенным образом помощь вышеупомянутым общинам христиан для того, чтобы наше постановление выполнено было как можно быстрее и общественному спокойствию... в таком деле способствовало бы» (Paul. Diac. Hist. Langobard.).

В результате такого компромисса полученный выигрыш своей неожиданностью поразил также и саму христианскую церковь: она из преследуемого меньшинства внезапно становится почти всемогущественной и существенным образом возвысилась во многом благодаря именно Константину в первостепенное учреждение государства. Данный процесс охватывал два основных этапа: рескрипт Константина 313 г. относительно освобождения христианства, а также предоставлении ему равноправия являлся только прологом к фактическому повороту, в процессе которого христианская церковь оказалась весьма быстро в привилегированном

¹¹⁵ Breukelaar A.H.B. *Historiography and episcopal authority in sixth-century Gaul*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1994. P. 191.

положении, а потом превратилась в государственную, автократическую церковь. Приобретавшее характер государственной религии, христианство логическим образом становилось идеологическим базисом римского общества, неотъемлемой и органической частью Римского государства. В этом отношении можно обозначить наиболее важные этапы. Император в первую очередь христианскому клиру предоставил официальные государственные льготы и привилегии. Так, в законе от 21 октября 313 г. отмечалось, что «тех, кого называют клириками, освободить от любых тягот». Все христианское духовенство весьма быстро превратилось в пользующийся иммунитетом, а также обособившийся от мирян корпус. Кроме предоставления духовенству особого личного иммунитета император из-под ведения казны вывел также и имущество церкви, освободил при этом от государственных налогов уже существовавшие церковные землевладения, а также предоставил право наследования имущества всем не находящимся в супружестве церковным лицам¹¹⁶.

Существенные суммы из государственной казны направлены были в распоряжение епископов на организационные нужды церкви, а также на строительство церквей. Также подчеркнем, что начиная с 321 г. стало вполне возможным открыто, именно на законном основании в дар как церкви, так и епископств передавать наследство. Император эдиктом 321 г. объявляет воскресенье в качестве еженедельного праздничного дня. В этот же период признано законным было освобождение рабов перед лицом церкви. Кроме этого, император для священнослужителей установил государственное жалованье. Также начиная с 333 г. все епископы получают право являться судьями и по целому ряду гражданских дел.

В этом отношении подчеркнем, что благодаря предоставленным привилегиям весьма быстро возрастает общественное влияние духовенства и

¹¹⁶ *Brown P.* The World of Late Antiquity. AD 150-750. Thames & Hudson Ltd., 1989. P. 88.

церкви. Начиная с IV в. христианство пронизывает практически все стороны государственной и общественной жизни. И в эти новых исторических условиях обозначаются весьма благоприятные возможности для превращения римского епископа в папу. И, как показывает последующая история, римские епископы смогли воспользоваться ими¹¹⁷.

Подчеркнем, что когда император Константин предоставляет свободу церкви, римским епископом являлся Мильтиад (311-314 гг.), который был пресвитером африканского происхождения. В то время император с ним не считался. Кроме этого, во все время своего правления он практически не проявляет особого внимания к уже тогда формировавшемуся внутри церкви приоритету римских епископов, отводя для них второстепенную роль. Он практически всех епископов считал равными руководителями церкви, и поэтому свое главенство ставил выше всех. Но он при этом следил за тем, чтобы римский епископ жил в тех условиях, которые соответствовали бы рангу столицы. В связи с этим Константин епископу Мильтиаду дарит фамильный дворец, который принадлежал его жене, Фаусте, и находился на Латеранском холме. Укажем, что данный дворец вплоть до XIV в. оставался резиденцией римских пап. Константин там же построил первый в Риме собор, который позже был назван Латеранским собором Сан Джованни. Далее в 325 г. император начинает в Ватикане строительство над могилой апостола Петра собора Святого Петра. Данный собор вплоть до времен Юлия II (1503 – 1513 гг.) выступал как центр христианства.

Для нашего исследования обозначенные решения императора важны именно тем, что все они не относились к щедрому и благородному порыву, за союз с властью, свою экономическую свободу христианская церковь вынуждена была уплатить весьма большую цену: ей пришлось пойти непосредственно на службу властям империи, поэтому императоры начали

¹¹⁷ Bowersock G.W. Hellenism in Late Antiquity. Ann Arbor, 1990. P. 167.

вмешиваться во многие церковные и религиозные вопросы. В итоге такого смыкания государства и христианства обозначилась общность их судеб. Также благодаря этому при помощи государства заметно возросло могущество церкви, однако за это государственная власть брала неоднократно верх над церковью. Император в христианской империи становится своего рода наследником Христа. Исходя из формулировки Константина, в обязанности императора стала входить защита церкви и веры. Но сам Константин себя еще не считал первосвященником, а только своего рода «епископом по внешним делам» церкви. При этом избавленная от гонений церковь с большой готовностью на себя берет роль государственной церкви. То есть она заняла свое место именно в самом государстве, а просто не рядом с ним: превращается в особую часть государственной организации, при этом беря на себя функции благословения власти императора и побуждения к этому своих верующих¹¹⁸.

Тем не менее, отношения между церковью и государством постепенно превращаются в болезненную проблему из-за наличия между ними внутренних противоречий, так как церковь не хотела подчиняться практически никакой светской власти. При этом она ни при каких-либо условиях не хотела отказаться от притязаний на того, чтобы именно ее считали обетованной землей мирового устройства. В сущности, разделение духовной и светской власти практически не считалось никогда партнерством, так как светская власть должна была бы раствориться в духовной (то есть церковной) власти. Кроме этого, по замыслу Константина в качестве моральной и идейной основой государства являться должна вселенская (кафолическая) церковь, а также ее учение. Однако церковь (и, соответственно, епископы) свое учение рассматривала в качестве совершенной, вечной доктрины, которая независима от всего мирского,

¹¹⁸ Bowersock G.W. From emperor to bishop: The selfconscious transformation of political power in the IV-th century A.D. // Classical Philology. 1986, vol.81, № 4. P. 299.

церковь, обладая которой искала — и чаще всего находила — соответствующую светскую власть¹¹⁹.

Укажем, что уже первые взаимоотношения между церковью и государством не являлись безоблачными. Имеющий место в церкви внутренний раздор даже с позиции государственных интересов являлся небезразличным как для Константина, так и его преемников. В связи с этим они стремились практически любой ценой восстановить единство церкви. Поэтому в интересах этого император, который притязал только на звание «епископ по внешним делам», распространяет власть практически на всю церковь. В качестве наилучшего средства для соответствующего вмешательства стал вселенский собор. Далее, когда христианская церковь становится имперской церковью, все руководство ею осуществлялось пока еще на коллегиальной основе, соборами, которые состояли из равных по своему званию епископов. Но уже тогда возникает и начинает развиваться стремление к построению иерархического принципа в руководстве церковью. Это стремление побеждает благодаря помощи Константина, когда он низводит собор, который фактически руководил церковью, до роли консультативного, совещательного собрания¹²⁰. Так как император в еретических учениях видел угрозу государству и всему существующему общественному строю, то та Арианская ересь, которая охватила весь Восток, императора Константина побудила в городке Никее, который находился недалеко от восточной столицы империи — Никомедии, созвать первый экуменический (или вселенский) собор уже нового типа, на котором должны присутствовать епископы церквей со всей Римской империи. Этот собор созывается в 325 г. при папе Сильвестре I (314-335 гг.). На данный собор прибывает около 250 епископов, в их числе 17 арианцев. Отметим, что участниками этого собора являлись практически только восточные епископы,

¹¹⁹ Майоров Г.Г. Формирование средневековой философии. Латинская патристика. М., 1979. С. 256.

¹²⁰ Копылов И.А. Церковь в системе организации власти и общества в Вандальской Африке (V—VI вв.) /автореф. дисс. ... к.и.н. М., 2006. С. 11.

при том, как западные церкви представляли только 5 епископов, в числе них нунции – посланцы папы. В своей речи при открытии собора император Константин определяет задачи, которые стоят перед епископами: «...страшнее ужасной битвы и любой войны – внутренний раздор в собрании Бога и намного печальней, чем внешние войны. ...Когда... я узнал о ваших раздорах, я эту новость не посчитал второстепенной по важности делом, а, пожелал подействовать в нахождении средства врачевания, поэтому немедленно созвал вас... Вы здесь должны сейчас изложить причины раздора между вами с тем, чтобы тем самым развязать все узлы распри при помощи мирных законов. Так как только так вы можете поступить в угоду Бога, стоящего над всем, и отблагодарили бы достаточно и меня, вашего покорного слугу». Во-первых, император недоволен был существующими в церкви разногласиями, так как, предоставив ей свободу, он склонялся к мнению, что она полностью будет единой. Во-вторых, он себя считал коллегой епископов и под данным предлогом и для себя требовал церковных прав¹²¹.

Подчеркнем, что на этом первом вселенском соборе было принято 20 канонов (то есть правил, а также соборных постановлений), был определен, например, порядок празднования Пасхи. При этом многие каноны были посвящены непосредственно организационным вопросам. Константин на данном соборе установил также деление церкви согласно с существующим в то время административным делением провинций Римской империи. Церковная организация, начиная с данного времени, неизменно следует светской административной системе, которая сложилась при Диоклетиане. В результате этого многие церковные центры потеряли свое значение, так как их место заняли столицы провинций, а также метрополии, епископы которых (*episcopus metropolitae*) стали являться руководителями епископов

¹²¹ Вольфрам Х. Готы от истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). СПб., 2002. С. 322 – 323.

соответствующих провинций, а несколько позднее высшей властью над ними (митрополитами).

Согласно шестому канону Никейского собора Антиохия и Александрия, а также остальные епархии на своих территориях стали обладать практически теми же правами, что и обладал римский епископ. Таким образом, собор сумел объединить в особую систему митрополий епископские церкви, которые прежде считались – за исключением Рима – равноправными. В соответствии с этим решением, епископы-митрополиты Рима, а также Александрии и Антиохии несколько возвысились над остальными митрополитами, и именно этим было положено начало образованию патриархата, который возвышался над митрополитами римских провинций. То есть именно благодаря Константину, был осуществлен второй весьма крупный поворот в истории христианства: ранее преследуемая церковь теперь превратилась в свободно существующую и активно расширяющую свое непосредственно влияние организацию, которая тесным образом переплелась именно с имперскими учреждениями. Такого рода связь была утверждена Никейским собором, решения которого являлись обнародованными в качестве имперского закона.

Все обозначенные выше процессы, а также фактор перемещения императоров в Византию, сыграли значимую роль в процессе образовании папства: то есть римский епископ освобождается от присутствия государственной власти, а также от ее постоянной опеки, способная воспрепятствовать усилению папской власти. И то сопротивление, оказываемое в то время Западом, прежде всего, исходило не от епископа Рима: с протестом против императорского произвола выступил, например, Осий, а также в еще большей мере легендарный епископ Милана Святой Амвросий (340-397 гг.). Подчеркнем, что император Константин поддержку христианству оказывал еще в рамках религиозной терпимости. Но уже его преемники начинают преследование нехристианских, а также преследование

традиционных религий (так, например, в 341 и в 346 гг. Констанций II принимает законы, которые преследуют язычество), при том, как западная часть Римской империи едва ли в то время что-либо слышала о христианстве. При императоре Констанции (337-361 гг.) фактически становится государственной религией. В тот период времени император уже называет себя главой церкви, то есть епископом над епископами. Но это не имело практически никакого отношения к Риму, а также к никейскому символу веры. Например, к концу епископства Евсевия из Никомедии император Константин уже увлекается арианством, а в 350 г. когда Констанций снова в своих руках объединяет империю, он желал распространить на всю Западную Европу арианство. На тех соборах, которые были созваны императором в 353 г. в Арле и в 355 г. в Милане, он заставляет также и западных епископов принимать арианство, которое было сформулированное Евсеем. В свою очередь когда папа Либерий (352-366 гг.) выступает с протестом против всего этого, император отправляет его в ссылку. В Рим епископ Либерий вернуться смог исключительно после того, как отказывается от никейского символа веры. В связи с этим можно заключить, что временно единство церкви в рассматриваемый период было восстановлено непосредственно под знаком арианства¹²².

Начиная с 361 г. император Юлиан Отступник (361-363 гг. правления) возвращается к политике религиозной терпимости и позволяет развиваться разного рода христианским течениям. Но данная политика Юлиана только смогла разрушать арианское единство и неизменно привела к укреплению в Империи кафолицизма. Отметим, что после того поворота, который был осуществлен Константином, при избрании папы в Риме власти и сенат все в большей степени оттесняли простых верующих. При этом круг тех лиц, которые имели право избирать папу, а также быть избранными, постепенно

¹²² Карсавин Л.П. История европейской культуры. Т. I: Римская империя, христианство и варвары / пер. с лит. Т. Алекнене; науч. ред., библиография А. Клементьева. СПб., 2003. С. 197.

все в большей мере ограничивался высшим клиром: то есть претендентами на епископскую власть становились пресвитеры, а также архидиаконы и диаконы. В этом случае как низший клир, так и народ только поддерживали определенное избрание одобрительными возгласами. Избранного обязательно освящали елеем и миром присутствующие епископы провинций. В результате подобного акта рукоположения он наделялся епископским достоинством, самым высоким в церковной иерархической системе. После осуществления рукоположения была в епархиальном соборе торжественная интронизация. Подчеркнем, что разница между процедурой осуществления рукоположения в епископы, а также вводом в епископские обязанности заключалась в том, что в процессе интронизации принимали участие также и миряне. В соборе епископ садился на трон, - именно отсюда и возникло выражение возвести на папский трон, престол¹²³.

Начиная с середины IV в. между партиями, которые были образованы непосредственно для возведения на трон римского епископа своего кандидата, разыгрывались нешуточные, а именно кровавые уличные бои. Укажем, что папа Дамас (366-384 гг.) являлся у своего предшественника диаконом. Но против него выступает диакон Урсиний; в ходе боев, которые разгорелись между двумя противоборствующими партиями, не были помилованы даже церковью, так как убийства совершались даже в них. Именно поэтому императору Валентиниану I (364-375 гг.) и римскому городскому префекту потребовалось вмешаться как для восстановления порядка, так и для защиты Дамаса, который был ими признан законным папой. Но данное вмешательство властей в определенной мере нарушило самостоятельность римской церкви. В связи с этим императору Грациану (367-383 гг.) пришлось принять к сведению, а также подтвердить решение собора 378 г. относительно права римской церкви на свободное избирание

¹²³ Гуревич А.Я. Начало феодализации в Европе // Избранные труды: в 2х тт. М., СПб., 1999. Т.1.С. 198.

папы. Император Грациан подтверждает митрополитство (то есть судебную власть) римского епископа непосредственно над епископами Запада. Оба его преемника – императоры Феодосий (379-395 гг.) и Валентиниан II (375-392 гг.) в принятых последующих законах признавали и также гарантировали в церкви наставническую верховную власть римского епископа.

Необходимо указать, что христианская церковь после своего официального признания, выступившая с требованиями целостности и универсальности, достаточно рано становится нетерпимой относительно нарушителей единства. Вместе со своими соправителями Валентинианом II и Грацианом император Феодосий в эдикте от 27 февраля 380 г., направленном жителям Константинополя, в законном порядке предписывает всем без исключения народам империи придерживаться именно христианского кафолического (или вселенского) вероисповедания, а также ортодоксальной веры. Подчеркнем, что данный эдикт собой представлял уже типичный пример религиозной нетерпимости. То есть христианство становится не только установленной на законной основе государственной религией, но такой считалось исключительно кафолическое христианство, которое проповедовало никейский символ веры. Обозначенное выше постановление заслуживает особого внимания еще в связи с тем, что в нем можно проследить стремление, которое было возведено в ранг императорского закона, стремление вывести происхождение епископа Рима, а также наставнической власти папы Дамасия от Святого Петра, кроме этого, подтвердить апостолический характер должности римских епископов. Однако из этого следует также и то, что не только римский, но также и александрийский епископ выступает в качестве хранителя евангельской и апостольской веры. То есть данный эдикт уже практически однозначно, то вероисповедание, которое отклонялось от никейского символа веры,

квалифицирует в качестве ереси и вовсе не гарантирует им тех привилегий, которые положены христианству¹²⁴.

Важно отметить, что благодаря государственной власти общепризнанным фактом становится то, что в качестве первостепенной функции римского епископа непосредственно внутри церкви становится именно сохранение единства церкви. Все это первоначально нашло свое проявление в виде наставничества относительно сохранения единства и чистоты католического вероучения, а также его аутентичного дальнейшего развития. При этом примат римского епископа пока еще не означал вселенской церковно-административной власти, что предопределяется тем, что при тогдашнем уровне централизации, принятом в системе формирующегося патриархата в функции патриархов вменялось осуществление в своих провинциях юрисдикции над церковью.

Переход христианства в статус обязательной государственной религии за собой повлекло преследование всех нехристианских культов непосредственно со стороны государства. Кроме этого, из-за того, что христианство теперь занимает господствующее положение, все языческие религии попадают в положение преследуемых, то есть в то положение, в котором ранее находилось христианство.

В 381 г. император Феодосий созывает на вселенский собор в Константинополе епископов восточной части Империи, на котором восстанавливается единство церкви непосредственно на основе католицизма (то есть Никейского символа веры) и было отвергнуто арианство. В нем принимало участие 150 ортодоксальных, а также 36 арианских епископов, однако ни папа, ни западные епископы на данном соборе не присутствовали.

¹²⁴ Джонс А.Х.М. Гибель античного мира. М., 1997. С. 276.

По настоянию Феодосия Собор осуждает арианство и дополняет учением о Святом Духе Никейский символ веры¹²⁵.

Укажем, что в других канонах собора 381 г. уделено было пристальное внимание отдельным вопросам организации церкви. В этом отношении третий канон прописывал, что епископ Константинополя, до этого подчинявшийся митрополиту фракийского города Гераклея, согласно принципу размещения по чести начинает занимать место непосредственно после епископа Рима. В соответствии с данным канонем епископ Нового Рима опередил по своему рангу Александрию и Антиохию. Подчеркнем, что повышение в церковном ранге Константинополя в тот период времени еще не было направлено против Рима, а являлось следствием соперничества, развернувшегося на Востоке, и приводит к нарушению преимущественно прав и самостоятельности именно Александрийской церкви. Конечно же, что против данного постановления весьма решительно стали протестовать на соборе именно представители Александрии. Кроме этого, борьба вокруг места на иерархической лестнице также принимает теологические формы: то есть отныне Константинополь становится крепостью ортодоксии, при том, как Александрия и Антиохия – оплотами арианства.

Ряд других канонов Константинопольского собора 381 г. смогли стабилизировать систему патриархата. Согласно административным делением Востока (было выделено пять диоцезов) образовано было пять так называемых «Архимитрополий» с центрами в Гераклее, Фессалонике, Цезарее, а также Эфесе и Константинополе. Были одновременно установлены также и территориальные границы обозначенных единиц. В то же время Константинополь возвышен был в ранг патриархата и попытался в первую очередь свою юрисдикцию распространить на Балканы и Грецию.

¹²⁵ Казаков М.М. Оцерковление государства и огосударствление церкви в процессе христианизации Римской империи в IV веке // Иерархия и власть в истории цивилизаций. Вторая междунар. конференция. Тез. докладов. СПб., 2002. -С.13.

Отметим, что возвышение Константинопольского патриарха в то время отражало вполне реальное политическое положение. Но папа распознал в этом скрытую опасность непосредственно для примата Рима и не был склонен впоследствии признать за 3-м канонем экуменический характер. В разрез с устремлениями церковной политики как императора, так и византийского патриарха уже в 382 г. папа Дамас на Римском соборе формулирует постулат, в соответствии с которым во главе церкви стоят епископы именно тех трех городов, которые были когда-то полем деятельности Петра: то есть Рим, так как Петр являлся первым епископом этого города; Александрия, так как ученик Петра Марк там был епископом; Антиохия, так как это первое епископское местопребывание Петра¹²⁶.

Также важным в функциональной характеристики епископов является и то, что церковные землевладения стали решающим условием в процессе формирования папства не только по той причине, что они обеспечивали материальную независимость римскому епископству, но также и потому, что в тот период право собственности на землю также сопровождалось осуществлением административной (или государственно-властной) функцией на определенной территории.

Вначале V в. церковь в свои руки заполучает владения языческих храмов, а также святых мест. От имени всей общины епископ осуществляет право на те владения, которые запрещено было делить либо продавать. То есть природа церковного землевладения постепенно начала приобретать феодальный характер. При этом в Римской империи авторитет пап по мере постепенного снижения политической значимости Рима вовсе не падал, а наоборот, заметно возрастал. В этот период римские епископы, непосредственно опираясь на свое постепенно возрастающее экономическое могущество, в западном мире приобретают особый религиозно-нравственный

¹²⁶ Ермолова И.Е. Римская империя и федераты в IV в. // Новый историч. вестник. 2001. №2. С. 21.

авторитет. При том, как в процессе распространения веры и в происходящей борьбе за ее чистоту упрочивался постепенно авторитет самого папы.

После смерти Феодосия (в 395 г.) Римская империя окончательно была разделена на две большие части: на западную и восточную. Начиная с данного времени Восточная Римская империя (или Византия) существовала на протяжении более чем тысячелетия в качестве совершенно самостоятельного исторического образования, при том, как Западная империя в результате нападения варваров в эпоху переселения народов распалась и на ее месте стали постепенно возникать отдельные христианские германские феодальные государства¹²⁷.

Укажем, что Западная империя после смерти Феодосия пребывала в условиях регулярных нападений непосредственно со стороны гуннов, вестготов, а потом и германцев. В результате обозначившегося идеологического и социального кризиса античного рабовладельческого общества, а также нарушившихся политических и экономических отношений церковь превращалась все более в единственный прочный центр. То есть общий распад, невзирая на его весьма негативное воздействие, позволил созреть необходимые внешним условиям для формирования папской верховной власти. В этом случае в весьма сложном процессе становления примата папы исходным пунктом становится верховная власть над Западом патриарха непосредственно в лице римского епископа. Однако примат патриарха преимущественно одинаково формировался практически во всех патриархатах. Но только в римском и византийском центрах сделана была попытка добиться именно универсальности авторитета патриарха. В тот период времени примат римского епископа в отношении авторитета и принципов веры уже практически никто не подвергал сомнению, поэтому это узаконили также и восточные императоры. Тем не менее, в Риме, исходя

¹²⁷ Казаков М.М. Проблема христианизации Римской империи // Исследования по зарубежной истории. Смоленск, 2000. С. 201.

непосредственно из юрисдикционной власти над его епископами западного патриарха, примат патриарха воспринимался в качестве абсолютной церковно-управленческой и судебной верховной власти относительно вселенской церкви. Но против этого высказывали протест не только византийский, но также и другие патриархи.

То есть прямая юрисдикционная власть римского патриарха ограничивалась и в латинском мире исключительно Центральной Италией. При этом его влияние в эллинистической Южной Италии, а также Африке и Испании уже было намного слабее и можно сказать, что оно едва ощущалось в Галлии и Северной Италии. Весьма успешно против Рима выступали, отстаивая свою автономию, Арль, Карфаген, а также Милан. То есть, фактическое соперничество непосредственно за верховную власть над всей церковью разворачивается только между Византией и Римом.

В этом случае Константинополь подчеркивает свое верховенство, напрямую ссылаясь на реальную политическую власть, при том, как Рим в большей мере на первый план выдвигал аргументы именно религиозно-библейского характера. Начиная с конца IV в. чаще стали говорить об апостольском характере римской церкви, а также о главенстве Петра. Базируемое на данном тезисе почетное первенство практически в равной мере признавали и Восток, и Запад, однако не в качестве источника верховной административной власти в церкви. При этом на особое значение идейных мотивов притязаний на власть наглядно указывает тот факт, что Константинополь вместе с преимуществом реальной власти вынужден был опираться также на легенду об апостоличности. В соответствии с данной легендой еще до Петра древнюю византийскую церковь создал апостол Андрей Первозванный, который был братом Петра. Таким образом,

получалось, что Константинополь в качестве церковного центра не только был одного ранга с Римом, но также и несколько древнее его¹²⁸.

Кроме этого, с конца IV в. и на протяжении практически всего V в. папы все более решительно выступали за окончательное утверждение примата Рима. Они основные усилия направляли в большей мере именно на детальное теоретическое раскрытие принципа примата, нежели на его практическую реализацию. Тем не менее, формирование такого рода идей неизменно привело к росту самосознания пап. Подчеркнем, что со времен папы Сириция (384-399 гг.) сохранялся первый папский декреталий (от 385 г.). До этого времени все папы в своих посланиях использовали стиль частного письма. В этом отношении папа Сириций являлся первым, кто в своей папской переписке применил официальный язык именно императорских документов. Кроме этого, у него впервые появилась также и фраза о том, что римский епископ должен заботиться не только о своей церкви, но также и обо всех церквях.

Укажем, что к концу IV в. христианство утверждается практически во всех провинциях Римской империи, при этом еще в 40-е гг. IV в. оно, благодаря усилиям епископа Вульфила, проникает к готам. Епископ Вульфила, который происходил из Каппадокии и вырос в среде готов, записывает на готском языке литургию, а также переводит на него Библию. По сути это являлся первый известный перевод на германский язык Библии. Но юты христианство приняли в форме арианства, которое в то время господствовало на востоке империи, невзирая на осуждение Никейским собором. По мере постепенного продвижения на Запад вестготов распространялось и арианство. Процесс христианизация варварских народов осуществлялась преимущественно сверху, поэтому в сознании большей массы населения весьма долгое время продолжали жизнь языческие образы и

¹²⁸ Колобов А.В. Римские легионы вне полей сражений // Античность и средневековые Европы. Пермь, 1994. С. 41.

представления. Епископы, стремясь упрочить свое влияние, стремились ассимилировать языческие представления, каким-либо образом их приспособить к христианству. В результате этого появлялся весьма необычный сплав язычества и христианской доктрины¹²⁹.

К концу античности практически каждый отдельный римский город имел своего епископа. Процесс христианизации деревни в Западной Европе растянулась на многие столетия. При этом епископ столицы римской провинции, а также метрополии, назвался митрополитом. В его функции входило предложение кандидатуры на вакантные епископские кафедры именно своей провинции, а также председательство на провинциальных соборах духовенства.

Таким образом, до IV в. в функции епископа входило управление отдельной церковной общиной, к которой непосредственно относились город и все окружающие его сёла. В процессе управления участия принимали клир (то есть священники) и миряне. Вся подвластная епископу территория носила название епархия. Он здесь словно преемник апостолов обладал всей полнотой духовной власти и практически никому не подчинялся. Именно епископ избирал и посвящал клириков, он же распределял церковные должности. Кроме этого, епископы соседних епархий проводили совещания наподобие первых апостольских соборов. Однако уже тогда между епископами наметилось определённое неравенство. Владыки церквей, которые как считалось, были основаны самими апостолами (то есть Римской, Антиохийской, Александрийской), или те из них, к чьей епархии непосредственно принадлежал большой город, получали своего рода «преимущество чести» (то есть находились в большем почёте) перед теми епископами, кто стоял во главе церквей маленьких городов. Подчеркнем, что со временем «преимущество чести» развилось в «преимущество власти».

¹²⁹ *Arnheim M.T.W.* The senatorial Aristocracy in the Late Roman Empire. Oxford: Clarendon, 1972. P. 78.

2.2. Взаимоотношения римских епископов и варваров в IV- V веках

Рассматривая взаимоотношения римских епископов и варваров в период IV- V вв., отметим в первую очередь тот факт, что религия практически всегда имела весьма важное значение для античного мира, и также продолжала сохранять своё значимое влияние на жизнь государства и общества также в позднеантичный период. Отметим, что IV в. – это такая эпоха, которая, с одной стороны, характеризуется как легализацией, так и становлением христианской Церкви, с другой стороны – сохранением отдельных языческих традиций, а также появлением отдельных направлений в христианстве, которые впоследствии признаны будут еретическими. К числу подобных направлений относится арианство. То есть, IV в. религиозная жизнь имела три основные составляющие: христианство, существующее в форме православия, которое выражалось в Никейском символе веры, принятым в 325 г. на Соборе в Никее, и в форме арианства, которое было осуждено в качестве ереси на этом же Соборе. В качестве третьей составляющей можно назвать по-прежнему сохранявшее свои позиции язычество.

После эдикта Константина – Лициния, относящегося к 313 г., и, как нами уже обозначалось ранее, христианам предоставлявшего право достаточно свободно исповедовать свою религию вместе с язычниками, в Римской империи было установлено равновесие в сфере вероисповеданий.

После достаточно неудачной попытки императора Юлиана, предпринятой для восстановления и последующего реформирования язычества, в обеих своих формах христианство продолжало существовать и далее, а особо решительные меры, ориентированные на борьбу с язычеством и арианством, стал проводить император Феодосий I. Так, например, Феодосий I 27 февраля 380 г. издает эдикт, который провозглашал в Никейском исповедании христианство как обязательное для своих

подданных, себя считавших христианами, всех же прочих было принято именовать «сумасбродными безумцами»¹³⁰. Данный эдикт запрещал одновременно также исповедание христианства в форме язычества и арианства, однако проблема арианства по-прежнему сохранялась. На Никейском соборе 325 г. арианство осуждено было в качестве ереси, однако готы, в результате активной миссионерской деятельности Вульфилы, все же исповедовали арианство.

Подчеркнем, что варвары в большей степени, а также готы и аланы (это клан Аспаридов (V в.) в православие не переходили и продолжали и далее исповедовать еретическое учение. Правительству Римской империи и ее епископат приходилось в это время мириться с данным положением и еретиков, и еретиков как и язычников не преследовать, так как сохранялась и данная форма религиозности. Анализируя источники IV-VI вв., можно заключить, что названный нами выше эдикт Феодосия Великого в подавляющем большинстве случаях не соблюдался. В то время многие варвары, которые занимали важные государственные посты, православными христианами не были, однако они продолжали служить, не подвергаясь практически никаким репрессиям и могли без помех делать карьеру¹³¹.

10 января 381 г. издается эдикт, который подтверждал предыдущий, где христианство в форме православия признавалось только единственно истинным и при этом осуждались все ереси, в том числе и арианство (CTh., XVI, 5, 6.). Отметим, что в рамках Церкви данное положение засвидетельствовано было в Константинополе II Вселенским собором от 381 г. Далее последовал ряд эдиктов, которые запрещали еретикам строить свои церкви, собираться с целью отправления культа, а также иметь клир и т.д. (CTh., XVI, 5, 7-24).

¹³⁰ *Коптев А.В.* Кодекс Феодосия и римский колонат. Вологда, 1996. С. 76.

¹³¹ *Корсунский А.Р.* Вестготы и Римская империя в конце IV – нач. V вв. // Вестн. МГУ. Серия IX. История. № 3. М., 1965. С. 95.

Императором Феодосием I также предпринимаются меры против язычников, а именно: по эдикту 381 г. им запрещалось посещение языческих храмов, в соответствии с данным эдиктом 385 г. казнь полагалась за гадания по внутренностям животных, при том, как по эдикту 391 г. за исполнение языческих обрядов определялся штраф, который составлял 15 фунтов золота и т.д. (CTh., XVI, 10, 7; 9; 10, 12.). Таким образом, можно заключить, что государственная власть рассматриваемого периода активно стремилась через законодательство утвердить и упрочить положение христианства никейского исповедания и епископы также активно придерживались данной политики, но реальное положение являлось несколько иным.

С целью определения религиозной принадлежности военачальников в Римской империи варварского происхождения, необходимо разделить имеющиеся по данному вопросу факты на несколько отдельных групп: 1) Те военачальники, о которых, опираясь на данных источников, можно заключить, что они придерживались именно христианства, скорее всего, никейского исповедания; 2) Военачальники – ариане; 3) Те военачальники, которые придерживались языческих верований (см. приложение 2).

Переходя к рассмотрению первой группы, необходимо отметить, что все сведения относятся к сер. IV – V вв. Несколько отдельно стоит Сильван, который являлся франком по своему происхождению (Amm., XV, 5, 16). В период 352/3-355 гг. он в Галлии занимал пост *magister peditum* (Amm., XV, 5, 2.), в 354 г. он поднимает мятеж, провозглашая себя императором. Подчеркнем что составители «Просопографии поздней Римской империи» А.Х.М. Джоунс и Дж.Р. Мартиндейл¹³², склонны к мнению, что Сильван являлся христианином. Свой вывод они основывают на словах Аммиана Марцеллина, сообщающего, что Сильван после подавления мятежа «прятался от страха в часовне; а когда оттуда его вытащили, то он хотел укрыться в

¹³² The Prosopography of the Later Roman Empire / A.H.M. Jones, J.R. Martindale, J. Morris. Vol. I. Cambridge, 1971. P. 841.

месте собраний христианской общины» (Amm., XV, 5, 31). Данной случай нельзя трактовать однозначно, так как действия Сильвана продиктованы могли быть также и сложившейся обстановкой и вовсе не являться наглядным свидетельством его религиозной принадлежности, тем не менее, не следует исключить также и возможность обращения Сильвана в христианство по той причине, что он, скорее всего, родился и вырос именно на территории Римской империи (Amm. Marc., XV, 5, 33).

I. Варварские военачальники-православные

1. К данной категории военачальников относится в первую очередь Модар, гот по своему происхождению, *magister militum* (380-382 гг.) во Фракии (Zos., IV, 25, 2.). Отметим, что к Модару были обращены два письма епископа Григория Назианзина, в одном из них епископ Григорий убеждает Модара поддержать собор, проходивший в Константинополе 382 г., по своей сути являвшийся завершением II Вселенского собора. То есть, исходя именно из косвенных данных, можно высказать предположение, что Модар являлся православным, при том, что в источниках не прослеживается прямого указания на данное обстоятельство. Однако с другой стороны, обращение такого весьма видного церковного деятеля, каким являлся епископ Григорий к человеку, по своей вере не являющемуся православным, сам по себе сомнителен.

В сложившихся условиях рассматриваемого периода, когда велись острые догматические споры, принадлежность к определенному религиозному направлению являлась практически решающим моментом, в связи с чем, с просьбой о поддержке епископу обратиться можно было исключительно к своему единомышленнику. При этом епископ Григорий абсолютно определенно за помощью обращается к Модару, напоминая ему при этом, что беспорядки, которые имеют место при религиозных спорах, это позор для церкви, о чем Модар, согласно словам Григория Назианзина, «сам знает» (Greg. Naz. Ep. 136).

2. Франк Баутон, *magister militum* Запада (380-385 гг.), *consul* (Zos., IV, 33, 1.). К Баутону было обращено письмо епископа Амвросия Медиолонского, на основании этого можно также предположить, что Баутон относился к никейской вере.

3. Наконец можно назвать в этой группе Стилихон, который был вандалом по своему происхождению (Oros., VII, 38, 1), *magister utriusque militiae* (394-408 гг.). Именно к нему было адресовано письмо бл. Августина, в котором он выражал одобрение Стилихону непосредственно за принятие последним законов против еретиков. В этом отношении вполне можно предположить, что Стилихон также придерживался христианства в его никейском исповедании¹³³.

II. Военачальники-ариане. Подчеркнем, что вторая группа является более многочисленной.

1. Гайна, который являлся готом по своему происхождению (Zos., V, 21, 9), *comes rei militaris* (395-399 гг.), а также *magister utriusque militiae* (399-400 гг.). Он поддержал мятеж Трибигильда в 399-400 гг., а также был арианином по своему вероисповеданию (Soz., VIII, 4.).

2. Как в середине, так и во второй половине V в. существенное влияние на политику восточноримского двора оказывали два представителя аланского рода Аспаридов Флавий Ардабур Аспар и его сын Ардабур. Отметим, что Аспар был *magister utriusque militiae* (431-471 гг.) (Proc., BV I, 3, 35; Theod., Ер. 140); в свою очередь Ардабур – *magister utriusque militiae per Orientem* (453-466 гг.) (Suid., A 3803). При этом и отец, и сын исповедовали арианство, однако, невзирая на свою приверженность еретическому учению, как Аспар, так и Ардабур достаточно активно принимали участие в политической жизни Римской империи. Так, например, в 457 г. Аспар «возводит на престол Льва», своего непосредственного ставленника (Proc. BV, I, 5,7, Evag. HE, II, 16.).

¹³³ Andreassen K.A. The nature of episcopal authority in fifth-century Gaul. Thesis (B.A.). Lake Forest College, 2010. P. 94.

Кроме этого, арианское вероисповедание вовсе не мешали им обоим также влиять на церковную жизнь и при этом поддерживать представителей различных направлений в Церкви. Например, епископ Феодорит Киррский в 451 г. в письме к Аспару просит его походатайствовать перед императором Маркианом и Пульхерией относительно созыва церковного собора (скорее всего, IV Вселенского собора в Халкедоне, причём у названного епископа имелась также и личная заинтересованность в проведении нового собора, так как, являясь низложенным на соборе в 449 г. в Эфесе, он мог быть восстановлен в своем прежнем звании исключительно новым собором. Такого рода обращение православного епископа непосредственно к арианину за помощью наглядно свидетельствует о существенном влиянии Аспара даже в таких значимых вопросах. Однако с другой стороны, нельзя упускать из вида и тот факт, что Аспар оказывал также покровительство епископам-монофизитам, например, Амфилохию, который являлся монофизитским епископом Сиды (Zach., HE, IV, 7), невзирая на тот факт, что монофизитство осуждено было в качестве ереси в Халкедоне на IV Вселенском соборе 451 г.

При этом в 457 г. Ардабур после смерти Симеона Столпника, «прибывает со своими военачальниками и остальными (магистратами)... охраняет пресвятые останки блаженного Симеона для того, чтобы (жители) окрестных городов их не растащили». Далее Ардабур переносит останки в Антиохию. В 471 г. Аспар и Ардабур обвиняются в заговоре против императора Льва и были казнены (Proc. BV, I, 6, 27, Evagr. HE II, 16.). Исследователь А.В. Козлов, который рассматривал сообщения, находящиеся в позднеантичных источниках в отношении данного заговора, подчеркивает, что «оценка большей либо меньшей вероятности государственного переворота напрямую зависела от позиции отдельного автора, который писал об этих событиях. Однако в мотивировке негативности такого рода узурпации расхождений нет: в это время византийцы органически не

принимали возможности на троне появления человека арианского вероисповедания»¹³⁴.

В обозначенном нами случае с Аспаром необходимо обратить более пристальное внимание на следующие основные моменты: 1) ариане благополучно находятся при дворе императора, а также занимают достаточно высокие посты. Практически никаких гонений, которые, по сути, были предусмотрены эдиктом 380 г., не отмечалось. Арианин Аспар так прочно себя чувствовал в Восточноримской империи, что даже мог занимать весьма высокие посты в государстве; 2) у населения Римской империи наибольший протест вызывал тот факт, что Аспар не являлся православным, а не его готское, то есть варварское происхождение. Данный факт может выступать в качестве подтверждения тому, что позднеантичное общество более терпимо относилось к деятельности иностранцев в своей среде, при этом античный антагонизм во многом был преодолен, однако отрицательное отношение к еретикам также проецировалось и на тех варваров, которые в своём большинстве были арианами.

3. Арианином являлся также и Флавий Рицимер смешанного варварского происхождения, *magister utriusque militiae* (457-472 гг.), *patricius* (457-472 гг.).

Майориан в 457 г. становится западноримским императором при непосредственной поддержке Рицимера. До наших дней сохранилась надпись, где говорится, что Рицимер арианский храм в Риме украсил мозаикой во исполнение обета (ILCV, 1637.). Из приведённых выше отрывков становится понятным, что эдикт 380 г. абсолютной силы не имел. При этом в Римской империи интересы государства преобладали над частными вопросами жизни римского общества, к которым также относилось и официальное вероисповедание, в связи с чем ими можно было

¹³⁴ Козлов А.С. Содержание конфликта Аспара и Льва I // АДСВ. Вып. 11. Свердловск, 1975. С. 115.

пожертвовать ради пользы и блага империи в целом. Также следует подчеркнуть, что Римская идея государства сохраняется и в позднеантичный период¹³⁵.

Епископы боролись за укрепление христианских идей, но при этом они стремились сохранить мирные отношения в обществе. Поэтому ариане-варвары противодействие встречали преимущественно со стороны населения Римской империи, вождями которого нередко становились именно известные церковные лидеры. При этом попытка Гайны с просьбой обратиться к императору Аркадию предоставить в Константинополе готам-арианам храм вызвала существенное недовольство Иоанна Златоуста, а 12 июля 400 г. часть воинов Гайны сожжена была в так называемой «готской» церкви, то есть церкви, принадлежавшей арианам (Soz., VIII, 4).

Укажем, что после провозглашения Патрикия, который являлся сыном Аспара, в 470 г. кесарем, в Константинополе происходят возмущения, так как Патрикий являлся арианином. В этом случае пришлось Аспару пообещать, что, став императором, Патрикий обязательно перейдёт в православие¹³⁶. Иоанн Малала отмечает в этом отношении, что император Лев начинает на ариан гонения «из-за Аспара и Ардабура» (Joh. Mal. 372), что значит, несколько раньше – до 471 г., при этом притеснений ариан не было либо вовсе, либо они являлись незначительными¹³⁷.

III. Военачальники-язычники

1. Необходимо в первую очередь назвать Флавия Рихомера, франка, comes et magister utriusque miliriae (388-393 гг.), consul (384 г.). Он был язычником, о чём указывает Либаний (Lib, Orat. I, 219.), называя его при этом «преданным жрецам и богам человеком». Он также вел дружбу с весьма

¹³⁵ Уколова В.И. «Последние римляне» и парадигмы средневековой культуры // ВДИ. 1992. № 1. С. 39.

¹³⁶ The Prosopography of the Later Roman Empire / Martindale J.R. Vol. II. Cambridge, 1980. P. 842.

¹³⁷ Пржигодзкая О.В. Религиозные отношения в поздней Римской империи и варвары // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / под ред. Э.Д. Фролова. СПб., 2006. № 5. С. 459.

видными идеологами язычества Либанием (Lib. Ep. 866, 972, 1007) и Симмахом.

2. Далее назовем Арбогаста, который являлся франком по своему происхождению, comes rei militaris (380 г.) (Greg. Tur., II, 9.) при императоре Грациане, magister militum (388-394 гг.) (Zos., IV, 53, 1) Валентиниана II. Укажем, что при императоре Валентиниане было ему поручено ведение гражданских дел, согласно Зосиму (Zos., IV, 54, 4, 2; Oros., VII, 35, 11.), Арбогаст также влиял на военную администрацию. Он в 392 г. провозглашает императором Евгения, являющегося ритором и magister scrinii, у него с которым была дружба. Подчеркнем, что после провозглашения императором Евгения, Арбогаст возглавляет языческую реакцию на Западе, при этом «опираясь преимущественно на служение идолам» (Oros., VII, 35, 12)¹³⁸.

3. Флавий Фравитта, по происхождению гот (Philost., HE, XI, 8; Soc., VI, 6, 39), magister militum (Praesentalis) (400 г.), consul (401 г.). Фравитта назначен был magister militum с той целью, чтобы подавить мятеж Трибигильда Гайны и. Гот Фравитта являлся эллином по религии, а Зосим указывает, что Фравитта вовсе не стыдился самому императору признаться, что он поклоняется богам (Zos., V, 21, 5). Император Аркадий, после победы над Гайной стремясь наградить Фравитту, спросил, чего тот желает, на что Фравитта ответил, что он хотел бы, чтоб ему позволено было поклоняться богу по его отеческому обычаю. Царь его возводит в консульское достоинство, которое и было принято Фравиттой (Eun., fr. 83).

4. Генерид. Зосим в этом отношении не уточняет, к какому именно племени он относился, однако по происхождению он был варваром (Zos., V, 46, 2). Генерид также был язычником, который «не желал воздерживаться от веры в богов» (Zos., V, 46, 3). После того как императором Гонорий издается закон 14 ноября 408 г., который язычникам запрещал в государстве занимать

¹³⁸ Пржигодская О.В. Религиозные отношения в поздней Римской империи и варвары // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / под ред. проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2006. Вып. 5. С. 457.

высшие должности (CTh., XVI, 5, 42), Генерид отказывается выполнять свои обязанности, в чего результате император Гонорий вынужден был свой закон отменить (Zos., V, 46, 3-4).

Проведя анализ имеющихся источников IV-V вв., можно обозначить несколько главных моментов:

1) многие военачальники варварского происхождения, скорее всего, могли быть христианами (например, Сильван), или же таковыми являлись и при этом исповедовали православие (например, это Баутон и Стилихон, Модар). Вместе с ними в истории были и такие, которые относились к военачальникам-арианам (например, Гайна), а также язычникам, например, Арбогаст, Рихомер, Фравитта;

2) после эдиктов 380-х гг. императора Феодосия I данная ситуация существенным образом не изменилась. Это было связано с тем, что декларируемые в данных эдиктах приверженность православию, а также осуждение язычества и арианства не имели в данный период своего решающего значения в тот момент, когда речь заходила о конкретной политической ситуации. Отметим, что в целом религиозная принадлежность не была непреодолимым препятствием как для карьерного роста, занятия определенных высоких должностей, а также для оказания существенного влияния на политику государства. Например, Аспар и Ардабур, Рихомер, Рицимер были *magister utriusque militiae*. В свою очередь Арбогаст, Аспар, Рицимер своих ставленников возводили непосредственно на императорский престол. Особый случай – это положение Аспара и Ардабура. Они, исповедуя еретическое учение, которое было осуждено ещё в нач. IV в., в достаточной мере активно принимали участие в общей церковной жизни периода середины и второй половины V в., при этом также поддерживая приверженцев различных течений в христианстве;

3) вероисповедание напрямую не было связано с происхождением человека. Например, гот Модар исповедует христианство никейского толка,

при том, как гот Гайна являлся арианином, а гот Фравитта был язычником. Кроме этого, Арбогаст и Франки Рихомер являлись язычниками, а франк Баутон исповедовал христианство никейского толка¹³⁹.

Рассмотрим также и примеры взаимодействия отдельных римских епископов (пап) с варварами. Так, например, Иннокентий I (401-417 гг.) являлся сыном своего предшественника, то есть папы Анастасия. С позиции Иннокентия, местный собор имеет только совещательный характер, поэтому его решения только в том случае способны обладать силой, когда их непосредственно утвердит папа. Ускорившееся разрушение Западной Римской империи позволило Иннокентию I использовать соответствующие политические средства для осуществления защиты своего столичного города. В 410 г. вестготы и аларих трое суток грабили Рим, и поэтому папа Иннокентий отправляется в новую столицу западного императора, Равенну с той целью, что бы умолять его оказать необходимую помощь.

Иннокентий, являясь активным защитником истинной веры, еще больше укрепляет авторитет папы в осуществляемой им борьбе с наиболее значительной в то время ересью – пелагианством. Пелагий с этой целью в 400 и 401 гг. выступил в Риме, а потом в Северной Африке. То есть он взаимодействовал с варварами с целью просвещения и привития им истинной, с его точки зрения, веры. При этом в центр своего учения он ставит именно человека, точнее, ставит связь между человеком и Богом, а также связь между Божественной благодатью и человеком. Он стремился до варваров, которые не являлись христианами донести сущность связи между человеком и Богом. Он активно боролся с еретическими движениями,

В соответствии с Пелагием, наследственного греха вовсе не существует, поэтому для достижения спасения просто достаточно наличие свободной воли человека даже без всякой божественной благодати, так как

¹³⁹ Колосовская Ю.К. Некоторые вопросы истории взаимоотношений Римской империи с варварским миром // ВДИ 1996. № 2. С. 147 - 148.

благодать представляет собой внутреннюю склонность непосредственно человеческой природы к добру. Эта мысль неизменно приводит к тому выводу, что вовсе нет необходимости в Спасении, также, как и в церкви, которая осуществляет во всем этом посредническую роль. В первую очередь против пелагианства активно выступил Святой Августин, который являлся крупнейшей фигурой латинской патристики и с 396 г. был епископом г. Гиппона, что в Северной Африке. Он достаточно много боролся против донатистов, манихейцев, в большей степени, против пелагианцев. Подчеркнем, что Августин выступал в качестве союзника Рима и Иннокентия I в ожесточенных спорах с пелагианцами и при этом активно развил католическое учение относительно предопределения и благодати¹⁴⁰. Когда епископ Иннокентий смог отлучить Пелагия и многих его последователей от церкви, Августин об этом отозвался так: «Causa finita est». (Отметим, что на основе данной фразы был впоследствии сформулирован тезис относительно безапелляционности папского решения).

Однако начиная с Иннокентия I и практически до Льва I не было наиболее выдающихся римских епископов: все чаще всего, стремились выслужиться непосредственно перед Византией. Поэтому их политика в отношении варваров практически полностью совпадала с официальной государственной политикой. Отметим, что например, папа Зосима (417-418 гг.) из-за своих отдельных неумелых действий в своем споре с пелагианцами, а также из-за ряда уступок, которые были сделаны еретикам, стал в истории первым папой, которого церковь не стала чтить в своих литургиях. После его кончины новый раскол логичным образом привел к существенному ослаблению римской церкви. При этом партия диаконов папой избирает архидиакона Евлалия, но подавляющее большинство пресвитеров папой избирает священника по имени Бонифаций. Обе эти партии обращаются к

¹⁴⁰ Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М., 2010. С. 276.

императору за помощью. Император, с целью предотвращения такого рода раздоров, формулирует свое первое официальное светское постановление, призванное регулировать избрание папы, а именно: если выборы не заканчиваются однозначной победой какого-либо одного из претендентов, то, в этом случае ни одного из кандидатов считать папой нельзя, а необходимо продолжать эти выборы до тех пор, пока найдена не будет общая кандидатура. Тем не мене, история показала, что даже императоры не сумели осуществить данное постановление.

Укажем, что первой по своему историческому значению фигурой папства, имеющий многие заслуги являлся папа Лев I (440-461 гг. правления), который заметно укрепил, а также временно распространил папскую власть на всю церковь кроме греческого Востока. В его правлении был составлен каталог, в который были включены имена 44 римских епископов, начиная от Петра и заканчивая Львом I. Но они скорее являлись только первыми в числе равных епископов, при том, как Лев действительно уже был папой, читающего себя, ссылаясь при этом на Петра, что он стоит над всеми епископами. Он свой авторитет сумел поднять в результате ведения обширной переписки, а также укрепления письменных контактов с епископами Римской империи.

Подчеркнем, что император Валентиниан III своим эдиктом утверждает примат папы, в период правления Льва I развитие апостолической церкви постепенно превращало ее в авторитарную. В отношении с варварами папа Лев I противопоставлял их интересы религиозному примату. Папа Лев I весьма успешно также действовал и в защите ортодоксального учения. Например, в Италии он в полном смысле этого слова практически истребил пелагианцев. (В этом случае император Валентиниан III по непосредственному предложению папы лишил их специальным постановлением гражданских прав, а также изгнал из страны.) Епископ Рима

также весьма успешно вмешивался и в имеющие место христологические бои, которые бушевали в то время на Востоке¹⁴¹.

Следует указать, что процесс становления западнохристианской цивилизации современными учеными рассматривается большей частью с позиций континуитета между позднеантичной и раннесредневековой Европой (например, это работы А. Кэмерона¹⁴², П. Брауна¹⁴³, П. Шувэна¹⁴⁴, Г. Бауэрсока¹⁴⁵, Дж.-М. Уоллес-Хедрилла, а также В.И. Уколовой¹⁴⁶), в которой уже в IV - VI вв. прослеживался глубокий синтез элементов римской и христианской традиций, а также этнический романогерманский синтез. Кроме этого, все чаще поздняя античность предстает в качестве особой самоценной исторической эпохи. При этом литература и эпистолография конца IV – нач. VI вв. нам позволяют составить более представление о мировосприятии епископов и варваров эпохи «заката» Римской империи. В этом отношении необходимо подчеркнуть, что в качестве одного из наиболее характерных для рассматриваемой эпохи являлись взгляды уроженца Галлии Сидония Аполлинария¹⁴⁷, епископа Клермонского, который был канонизирован церковью, и, одновременно, являющегося представителем слоя так называемых «последних римлян», культурной заслугой которых являлось сохранение и передача классических античных традиций следующей эпохе.

Гай Соллий Модест Аполлинарий Сидоний с 470 г. - епископ Клермона. Он в данном качестве возглавлял оборону города от вестготов. В 471-476 гг. находился в ссылке в Испании, затем снова был епископом¹⁴⁸. Впоследствии Сидония канонизировали как христианского святого.

¹⁴¹ Гергей Е. История папства / пер. с венгр. М., 1996. С. 97.

¹⁴² Cameron A. The Mediterranean World in Late Antiquity. AD 395-600. L., 1993. 446 p.

¹⁴³ Brown P. The World of Late Antiquity. AD 150-750. L., 1980. 216 p.

¹⁴⁴ Chuvin P. Chronique des derniers païens. P., 1990. 344 p.

¹⁴⁵ Bowersock G. Hellenism in Late Antiquity. -Ann Arbor, 1990. 312 p.

¹⁴⁶ Уколова В.И. Античное наследие и культура раннего средневековья. М., 1989. С.3-18.

¹⁴⁷ Ешевский С.В. Аполлинарий Сидоний. М., 1870. 342 с.

¹⁴⁸ Уколова В.И. «Последние римляне» и парадигмы средневековой культуры // ВДИ. 1992. № 1. С. 39.

Из писем Сидония следует, что образ жизни римских аристократов V века, невзирая на их принадлежность к христианской религии, клиру, весьма мало изменился. Эти источники наглядно свидетельствуют о том, как классическая древность и, в первую очередь, общественные традиции проникали в высшее христианское духовенство непосредственно в эпоху падения Западной Римской империи в противоположность нравам и обычаям древних христиан эпохи гонений¹⁴⁹.

Сидоний в свое время стал известен благодаря именно своему поэтическому дарованию, а также ораторскому искусству. Именно данные качества делали мессы Сидония привлекательными для народа. В 471-475 гг. Сидоний как епископ активно защищал свой город от вестготов¹⁵⁰, однако в общем он выступал за мирное сосуществование галло-римлян и вестготов. При этом кроме темы варваров, время от времени реальная жизнь вторгалась на страницы посланий Сидония. Из писем Сидония (например, Sid. Epist. V. 17 и мн. др.) наглядно видно, как классическая древность и старые общественные привычки проникают в высшее христианское духовенство, в эпоху падения Западной Римской империи, а также в противоположность нравам и обычаям представителей древней христианской общины. Подобный переворот был результатом не деморализации самой общины, а именно изменением ее отношения к высшему светскому сословию империи: то есть христианские епископы, невзирая на отсутствие официального характера, имели намного больше действительной власти над обществом, чем сами чиновники, и поэтому высшая аристократия, как показывает Сидоний, стремилась приобрести епископские места. И именно поэтому само избрание и жизнь таких епископов, как Сидоний, на себе отразили основной характер светского сословия империи, с его привычками и большой любовью к изящной и философской классической литературе. Однако высшее

¹⁴⁹ Jones A. H. M. The Later Roman Empire A.D. – Berkeley, L., Los Angeles: Univ. of California Press, 1985. – P. 284-602

¹⁵⁰ Грант М. Крушение Римской империи. М., 1998. С. 50.

духовенство продолжало также сохранять то же влияние на широкие слои населения, и при разрушении светского государства оставалось практически единственной действительной властью¹⁵¹.

В свою очередь Северин из Норика был, скорее всего, германцем благородного происхождения, о чем говорят его добрые отношения с королем Одоакром и рядом других князьями. Сначала он был монахом на Востоке, а в 453 г. после смерти Атиллы он отправляется на берег Норика и трудился в качестве крупного благодетеля, политического и духовного руководителя проживающих там римских католиков, которых преимущественно притесняли арианские круги¹⁵². Первоначально он добивается разделения ариан и католиков и, в конечном итоге, полного религиозного мира, поэтому представители обоих вероисповеданий жили вместе и ходили в одни церкви. Через обширную благотворительную деятельность он старался смягчить нужду населения. Затем он основал монастырь, куда удалился¹⁵³.

Также необходимо указать и тот факт, что в «Истории гонений вандалских королей», которая принадлежала перу епископа Виктора из Виты¹⁵⁴, прослеживается мысль, что арианская церковь объявляется государственной конфессией, а африканская ортодоксальная церковь — еретической.

Следует подчеркнуть, что на протяжении длительной истории взаимоотношений римского общества и варварского мира «арианский фактор» выступал в самых разных проявлениях. Изначально арианство было избрано в качестве формы идеологического воздействия на готов в период правления проариански настроенного императора Валента. В результате

¹⁵¹ *Литовченко Е.В.* К образу Аполлинария Сидония: человек поздней античности // Науч. ведомости Белгородск. гос. ун-та. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. – 2007. – Т.2. № 3. С.56.

¹⁵² *Maxwell J.* Education, Humility and Choosing Ideal Bishops in Late Antiquity // *Episcopal Elections in Late Antiquity* / Ed. by Johan Leemans, Peter Van Nuffelen, Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, Berlin/ Boston, 2011. P. 462-463.

¹⁵³ *Cristiani L.* Le rins et ses fondateurs. Saint-Wandrik, 1946. P. 87.

¹⁵⁴ *Courtois C.* Victor de Vita et son œuvre. Alger, 1954. P. 7—11

осуществленной экспансии гуннов и сарматов в Подунавье готы нуждались в особом протекторате со стороны Рима, и насаждение арианства вполне можно рассматривать как вдовтаточно эффективный инструмент политического подчинения готов в качестве потенциальных союзников Рима в охране дунайских рубежей Империи и в борьбе с прочими варварскими племенами¹⁵⁵. Позднее арианство было воспринято некий маркер, выделявший готов из общей массы романизованного населения римских провинций и позволявший сделать крепко устоявшуюся систему социальных связей более эффективной, притягивая единоверцев и при этом отталкивая иноверцев. Впоследствии, в эпоху становления романо-варварских государств на территории бывших провинций римского Запада, арианство фигурировало уже как государственная идеология, а арианская церковь выступала как своего рода эрзац ортодоксальной церкви Римской империи IV—VI вв. (Соп. Ераонense XVI), институционально приспособленный и «подогнанный» под структуры имперской церкви. Таким образом, был запущен характерный для варварских государств механизм «подражания Империи»¹⁵⁶. Арианские епископы, сосланные в земли варваров, ратовали и воплощали в жизнь принципы мирного сосуществования, общечеловеческих ценностей и культурной политики.

Таким образом, подчеркнем, что примат римского папы осуществлялся в разрез с решением собора в Халкидоне от 451 г., присвоивший епископу Константинополя такой же ранг и достоинство, которые ранее принадлежали только епископу Рима. В свою очередь примат византийского патриарха в восточной церкви формировался в рамках цезарепапизма. Так как византийский патриарх имел верховную власть непосредственно над церковью Востока, он имел право являться только придворным епископом византийского императора. Тем не менее, римский папа, усвоив

¹⁵⁵ Marrou H.-I. La valeur historique de Victor de Vita // Les cahiers de Tunisie. 1967. 57—60. P. 205—208

¹⁵⁶ Sumruld W. Augustine and the Arians. New Haven; London, 1994 P. 29.

иерархические и бюрократические структуры императорской администрации, преимущественно во времена Льва I, достаточно часто себе приписывал прерогативы императорской власти. В Риме папа на развалинах некогда могучей Западной Римской империи, являясь владельцем внушительной части принадлежащих ей территорий, на потенциальном уровне мог также претендовать и на светскую власть. Отметим, что Византия, занятая важными вопросами собственной обороны, была способна оказать Италии, которая попала в круговорот великого переселения народов, только весьма незначительную помощь. Поэтому римский епископ становился все больше фактическим защитником города Рима и Италии. Например, с именем папы Льва I связано спасение Италии от гуннов. Данная обстановка во многом подготовила политическую независимость римских епископов.

Укажем, что взаимосвязь высшей иерархии церкви и административной структуры Римской империи смогла приобрести новое значение именно на этапе превращения христианства в государственную религию на протяжении IV в.: нередко пастырское служение епископа дополнялось публичными функциями, ранее исполнение которых возлагалось на отдельные органы как городского, так и государственного управления. К подобным функциям относилось также и отправление самого культа, в Риме в Риме рассматривавшееся в качестве публичного дела, а также забота о социально незащищенных слоях населения. Дарения как императоров, так и частных лиц епископа превратили к V в. в одного из наиболее влиятельнейших городских посессоров, при том, как обладание муниципальной землей в непосредственном сочетании с высоким духовным авторитетом ему открывало также путь к весьма широкому участию в городской администрации.

Важно и то, что в период варварских нашествий, а также дальнейшего кризиса всей муниципальной системы римский епископ фактически

превращается в правителя города. Кроме этого, епископат практически во всех вновь образованных варварских королевствах становится своего рода особым представительством галло-римской аристократии, которая была сосредоточена в городах. Непосредственное сотрудничество королей с епископатом затем становится одним из значимых факторов упрочения германской государственности, а также расширения ее базы. Кроме этого, императоры церкви предоставляли так называемый налоговый иммунитет (то есть на своих землях епископ имел право самостоятельно собирать налоги непосредственно в пользу государства, а также вершить суд).

С возникновением варварских королевств отмечается разрыв ранее сформированных церковных связей непосредственно в рамках римских провинций, снижалась роль митрополитов и провинциальных синодов. Появлялись т.н. королевские церкви, которые объединяли епископат отдельного королевства.

Римские епископы в взаимоотношениях с варварами всегда ратовали за мирный путь разрешения противоречий. Они своей миссией несли варварским народам: 1) религиозные ценности, в которых не было насилия и жестокости; 2) прививали высокую духовную культуру; 3) способствовали выстраиванию дипломатических отношений на политическом уровне. Они наглядно показывали, что можно уважать другого человека за его достижения все зависимости от того, относится он к варварам или нет.

Именно благодаря епископам формировалось новое, значимое для всего последующего цивилизационного пути развития религиозно-культурное мировоззрение.

То есть епископы, являясь частью государства, стремились действовать согласно с ее политикой. При этом они пытались мирным путем привить варварам христианскую веру. Также римские епископы по достоинству ценили выдающихся представителей варварских народов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный нами анализ литературы и источников по данной теме показывает, что основные вопросы политических отношений на границе, а также вопросы слияния римского и варварского миров рассматривать необходимо дифференцированно во времени и в пространстве. Относительно IV в. пока еще нельзя было говорить о глубоком кризисе римской внешней политики в Европе. Интеграция варварской и римской культур, которая сформировалась в эпоху Раннего Средневековья в западноевропейскую цивилизацию, безусловно, началась намного раньше IV в. и в рассматриваемый нами период уже протекала весьма активно. Но до конца IV в. доминировала более развитая римская культура, а в качестве ведущего процесса выступало усвоение варварами римских культурных достижений. То есть романизация заметно преобладала над варваризацией.

В целом эпоха великого переселения народов и формирования варварских королевств являлась также и эпохой христианизации варваров. При этом вовсе не случайно источники фиксируют «совпадение» военных побед, которые одерживались вождями в самые сложные и критические моменты противоборства с врагом с актами обращения их в новую веру. В период между обращением Константина в 312 г. и воцарением Юстиниана в 527 г. католическая церковь не направляет миссионеров за границу Римской империи для обращения живших там язычников. То есть имеет место феномен, подобного которому не встречалось ни в IV, ни в V в.: 1) христианский священник именно по собственной инициативе решает выехать за пределы Римской империи с той целью, чтобы проповедовать Евангелие среди представителей местного языческого народа; 2) правитель языческого народа, живущий весьма далеко за границами Империи, призывает к себе миссионера с целью обучиться его вере. В качестве другого феномена VI в. можно назвать приезд в Константинополь отдельных варваров либо групп

варваров, которые по своей собственной воле стремились принять крещение. То есть в середине VI в. возникают новые феномены в христианском и языческом мире. До этого только отдельные варвары могли принимать христианство во время своей службы в римской армии, при том, что теперь практически целые группы их обращались в христианство, вступая в императорскую армию. Кроме этого, отдельные люди или даже целые группы проделывали путь в Константинополь с весьма определенной и ясно обозначенной целью принять православное крещение. В этом случае новообращенный варвар брал на себя обязательство являться политическим союзником римлян. Как на южных границах, так и на краю степи священники именно по своей собственной воле принимают решение выехать за пределы Римской империи и там проповедовать Евангелие. Однако и после принятия христианства варварское сознание чаще всего оставалось языческим. Такое понятие, как «христианизированные язычники», введенное в научный оборот Н.А. Бердяевым, как нельзя точнее характеризовало ситуацию в варварском мире рассматриваемой эпохи.

В политическом сознании в IV в. обозначается возможность мирного включения варваров в Римское государство. Подобное отношение к варварам соответствовало сложившейся в то время политической практике на границе, в связи с чем новая идеология была достаточно быстро принята властями. Основные проявления христианизации в политике римских императоров нашли свое выражение в следующем: 1) вместе с сохранившимися от предыдущей исторической эпохи разрушительными рейдами, совершаемыми на варварские территории, основной акцент был перенесен на переселенческую политику, которая стала проводиться намного активнее, при этом те племена, которые переселялись на территории Римского государства, в обязательном порядке принимают христианство; 2) христианизация варваров становится практически неотъемлемой частью переселенческой политики; 3) принятие христианства также становится и

обязательной частью заключаемых договоров с варварами. Таким образом, христианство распространено было среди готов, сарматов, скифов и ряда других племен Причерноморья. И в этом процессе немаловажную роль сыграли епископы, которые, собственно, и стали распространителями христианства и христианской культуры.

Епископ выступает в рассматриваемый нами период истории в качестве носителя высшей благодати священства. Епископы в качестве высшего представителя церковной власти непосредственно в управляемой им епархии обладали рядом административных, а также богослужебных и пастырских полномочий, которые осуществлялись им лично либо делегируемых другим должностным лицам. Также право регламентирует еще и порядок процедуры избрания епископов на должность епархиального архиерея и последующее освобождения его от данной должности; особое материальное обеспечение епископов; специфики церковно-юридической ответственности епископов. Служение епископа вмещает в себя всю полноту апостольской власти. Епископ является основным учителем местной Церкви и для мирян, и для клира. Ему принадлежит право возглавить совершение таинств Церкви. Именно епископ имеет право совершать рукоположения и освящать миро, ему отводится власть надзора, власть суда над местным клиром, вверяется управление церковным имуществом.

Тем не менее, все обозначенные элементы правового статуса епископов претерпели в 4 – 6 вв. в Римской империи определенные изменения. То есть кроме только церковной власти епископ приобретает также в соответствии с государственным законодательством отдельный ряд административных полномочий, которые касались поддержания городского благоустройства, а также осуществления контроля за местными чиновниками и т.п. Епископы получают право производить судопроизводство по отдельным гражданским делам в том случае, когда стороны выражали соответствующее желание; таким образом зарождается институт «епископского суда». То есть для

компетенции римских епископов была характерна двойная, церковно-светская, компетенция. Кроме этого, создание на территории Римской Империи отдельных варварских королевств епископов превратило в главных защитников христиан.

Взаимосвязь епископов и административной структуры Римской империи смогла приобрести новое значение именно на этапе превращения христианства в государственную религию на протяжении IV в.: нередко пастырское служение епископа дополнялось публичными функциями, исполнение которых ранее возлагалось на отдельные органы как городского, так и государственного управления. К подобным функциям относилось и отправление самого культа в Риме, рассматривавшееся в качестве публичного дела, забота о социально незащищенных слоях населения. Епископы весьма широко участвовали в городской администрации.

В период варварских нашествий, а также дальнейшего кризиса всей муниципальной системы римский епископ фактически превращается в правителя города. Епископат практически во всех вновь образованных варварских королевствах становится своего рода особым представительством римской аристократии, которая была сосредоточена в городах. Непосредственное сотрудничество королей с епископатом затем становится одним из значимых факторов упрочения германской государственности, а также расширения ее базы. То есть епископы, являясь частью государства, стремились действовать согласно с ее политикой. При этом они пытались мирным путем привить варварам христианскую веру. Также римские епископы по достоинству ценили выдающихся представителей варварских народов. Строя свои отношения с варварами, епископы руководствовались как задачами Церкви, так и политикой Государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

I. Источники

1. Аммиан Марцеллин: *Ammiani Marcellini. Res Gestae* / Ed. W. Seyfart. – Leipzig, 1978. Рус. пер.: Аммиан Марцеллин. История. В 3-х тт. - Киев, 1906 - 1908. Пер. Ю. Кулаковского и А. Сонни. - 317, 303, 326 с. = 946 с.; Аммиан Марцеллин. Римская история. - СПб.: Алетейя, 1994. - 578 с. (переизд. 1996 и др. стереотипно).
2. Григорий Турский: *Gregorii Turonensis. Opera omnia* / Ed. W. Arndt, B. Krush // *MGH. SRM.* – Hannoverae, 1884-1885. – Т. 1. Рус. пер.: Григорий Турский. История франков. - М., 1987. - Пер. В.Д. Савуковой. - 462 с.
3. Евнапий Сардиец. История // Византийские историки: Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Магистр, Менандр, Кандид Исавр, Ноннос и Феофан Византиец / пер. Г.С. Дестуниса. – СПб., 1860. – С. 78 – 168.
4. Зосим: *Zosimus. Historia nova* / Ed. L. Mendelsohn. – Lips., 1887. Рус. пер. Н.Н. Болгова (Зосим. Новая история. - Белгород, 2010. – 342 с.)
5. Иоанн Лид. О должностях Римского государства. Кн. I / пер. М.М. Синицы; под ред. Н.Н. Болгова // Классическая и византийская традиция. 2014. – Белгород, 2014. – С. 287—320.
6. Истрин В.М. Пятая книга «Хроники» Иоанна Малалы // Летопись историко-филологического общества при Новороссийском университете. Одесса, 1910. Т.9. С. 1-15.
7. Кодекс Феодосия: *Theodosiani libri XVI cum constitutionibus sirmondianis et leges novellae ad Theodosianum pertinentes* / Ed. Th. Mommsen, P. Meyer. - В., 1905. - Vol. I-II.
8. Никодим (Милаш) (еписк.) Правила Святого Поместного Собора Лаодикийского [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.pravmir.ru/library/readbook/1320>.

9. Павлин Ноланский. Письма стихотворные. пер.с лат.: М.Л. Гаспаров и Ф.А.Петровский // Памятники средневековой латинской литературы IV–X веков. – М.: Наука, 1970. С. 98 – 160.
10. Павел Диакон: Paulus Diaconus. *Historia Langobardorum*, ed. G. Waitz. – Hannover. 1876.
11. Павел Орозий: Paulus Orosius. *Historiarum adversus paganos libri VII* // Ed. Zangemeister // GSEL. - Vol. V. - Lips., 1889. - 371 p. Рус. пер.: Павел Орозий. История против язычников. Кн. I-III. – СПб.: Алетея, 2001. – 384 с. – Пер. В.М. Тюленева (с латин. текстом); Кн. IV-V. – СПб., 2002; Кн. VI-VII. – СПб., 2003.
12. Послание патриархов Восточно-кафолической Церкви о правосл. вере. 10 // Догматические послания правосл. иерархов XVII-XIX вв. о правосл. вере. М., 1900. - С. 157-163/
13. Симмах. Письма / пер. И.П. Стрельниковой // Памятники позднего античного ораторского и эпистолярного искусства. М., 1964. С. 205—212.
14. Синезий: Synesii Cyrenensis. *Hymni et opuscula* / Ed. N. Terzaghi. – Roma, 1944. – 456 p. Рус. пер.: Синезий Киренский. Полное собрание творений - Том 2 – Письма пер. древнегреч. Т. Г. Сидаша. – СПб.: Издат. проект «Квадривиум», 2014. – 456 с.
15. Тациан, Сириец. Речь против эллинов // Писания мужей апостольских / введ., пер. и прим.: прот.П. П.Преображенский. – СПб., 1895. Репринт изд. с дополнениями свящ. В.Асмуса и А.Г. Дунаева: Рига, 1992. – 244 с.
16. Труды Иеронима Стридонского. Пер. с латыни Н. Холмогоровой / под ред/ М, Касьян и Т. Миллер. М.: Знание 2001. – 324 с.
17. Цезарь, Г.Ю. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне / пер. и коммент. М.М. Покровского. – М.: Науч.-изд. центр «Ладомир»: Наука, 1993. – 570 с.

18. Филосторгий: Philostorgius. *Historia Ecclesiastica*, ed. J. Bidez. – Berlin, 1913. – 484 p. Рус. пер.: Филосторгий, Сокращение «Церковной истории». пер. с древнегреч. В.А. Дорофеевой // Церковные историки IV—V веков / сост. М.Ф. Высокий, М. А. Тимофеев; пер. с лат. М.Ф. Высокого, В.А. Дорофеевой. пер. с древнегреч. В.А. Дорофеевой. М.: РОССПЭН, 2007. — 624 с.
19. Феодорит Киррский: Theodoret. *The Ecclesiastical History* // *A Select Library of Nicene Fathers. Ser. 2, v. III.* – Oxf.-N.Y., 1892. Творения Феодорита Киррского (Творения св. отцов в русском переводе, тт. 26-30). – М., 1843-1912. – Тт.1-5.

II. Исследования

20. Алфионов, Я. Император Юлиан и его отношение к христианству / Я. Алфионов // Православный собеседник. – 1877. – Февр. – С. 166–167.
21. Артаковский, С.Н. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур / С.Н. Артаковский. – Л, 1969. – 456 с.
22. Бауэрсон, Г. Римская империя в постимпериалистической перспективе / Г. Бауэрсон // ВДИ. – 1997. – № 4. – С. 50 - 54.
23. Болгов, Н.Н. Власть и общество в эпоху поздней античности (к постановке проблемы) / Н.Н. Болгов / Власть, человек, общество в античном мире. - М., 1997. - С. 161-167.
24. Болгов, Н.Н. и др. Поздняя античность: специфика эпохи и новые подходы к изучению / Н.Н. Болгов, Е.В. Литовченко, Т.В. Смирницких / Гуманитарная наука в современной России: состояние, проблемы, перспективы развития: материалы IX регион. науч.-практ. конф.: в 2 тт. / Отв. ред. В.В. Малай. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. – Т.1. – С. 47-55.
25. Бокщанин, А.Г. Источниковедение Древнего Рима / А.Г. Бокщанин. – М., 1981.- 512 с.

26. Болотов, В.В. Лекции по истории древней церкви: Репринт.изд. / В.В. Болотов. – М.,1994. – 654 с.
27. Буданова, В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов / В.П. Буданова. – М., 2000. – 652 с.
28. Буданова, В.П. Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты / В.П. Буданова, А.А. Горский, И.Е. Ермолова. – М. 1999. – 386 с.
29. Буданова, В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов / В.П. Буданова. – М.,2000. – 352 с.
30. Бычков, В.В. Эстетика Отцов Церкви / В.В. Бычков. - М.: Ладомир, 1995. – 502 с.
31. Вольфрам, Х. Готы от истоков до середины VI в. (опыт исторической этнографии) / Х. Вольфрам. – СПб., 2002. – 656 с.
32. Воробьёва, Н.Н. Проблема отношений христианской церкви и государства в Римской империи I–IV вв. в освещении отечественной историографии второй половины XIX – нач. XX в. / Н.Н. Воробьев. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. – 216 с.
33. Гергей, Е. История папства: пер. с венгр. / Е. Гергей. – М.: Республика, 1996. – 455 с.
34. Гидулянов, П.В. Восточные патриархи в период четырех первых вселенских соборов. (Из истории развития церковно-правительственной власти) / П.В. Гидулянов. – Ярославль, 1908. – 338 с.
35. Голдсуорти, А. Падение Запада. Медленная смерть Римской империи / А. Голдсуорти; пер. с англ. А.В. Короленкова, Е.А. Семеновой. – Москва: АСТ, 2014. – 733 с.
36. Грант, М. Крушение Римской империи/ М. Грант. – М., 1998. – 432 с.
37. Гуревич, А.Я. Начало феодализации в Европе // Гуревич А.Я. Избранные труды: в 2х тт. – М.: СПб.,1999. – Т. 1. – С. 180 – 212.

38. Джонс, А.Х.М. Гибель античного мира / А.Х.М. Джонс. – М., 1997. – 456 с.
39. Дмитриев, В.А. К вопросу о варваризации римской армии в IV в. н. э. (по данным Аммиана Марцеллина) / В.А. Дмитриев // Науч. ведом. Белгор. гос. ун-та. Сер. История. Политология. – 2011. – Т. 18. – № 7. – С. 54 – 59.
40. Довженко, Ю.С. История античного христианства как история сменяющихся типов господствующих элит [Электронный ресурс] / Ю.С. Довженко // Античное общество: проблемы истории и культуры / Доклады научной конференции 9 - 11 марта 1995 г. / <http://www.centant.pu.ru/centrum/publik/confcent/1995-05/dovzsh.htm>
41. Донини, А. У истоков христианства (от зарождения до Юстиниана) / А. Донини / пер с итал. – М.: Политиздат, 1989. – 365 с.
42. Дуров, В.С. Латинская христианская литература III-V веков / В.С. Дуров. – СПб.: Изд. Филолог. ф-та СПбГУ, 2003. – 200 с.
43. Евсевий Памфил. Жизнь блаженного Василевса Константина / Евсевий Памфил. – М., 1998. – Кн. 2. – 322 с.
44. Евтухов, И.О. Концепция человека поздней античности / И.О. Евтухов. – Мн., 1991. – 322 с.
45. Ермолова, И.Е. Римская империя и федераты в IV веке / И.Е. Ермолова // Новый историч. вестн. – 2001. – №2. – С. 11-14.
46. Ешевский, С.В. Аполлинарий Сидоний. Эпизод из литературной и политической истории Галлии V века / С.В. Ешевский // Соч. Т. 3. - М., 1870. – 342 с.
47. Зелинский, Ф.Ф. Римская империя / Ф.Ф. Зелинский. – СПб., 1999. – 754 с.
48. Иванов, С.А. Оборона балканских провинций Византии и проникновение «варваров» на Балканы в первой половине VI в. / А.С. Иванов // ВВ. – 1984. – Т.45. – С. 55 - 57.

49. Казаков, М.М. Епископ и Империя: Амвросий Медиоланский и Римская Империя в IV в / М.М. Казаков. - Смоленск, 1995. – 336 с.
50. Казаков, М.М. Оцерковление государства и огосударствление церкви в процессе христианизации Римской империи в IV веке / М. М. Казаков // Иерархия и власть в истории цивилизаций. Вторая международная конференция. Тезисы докладов. – СПб., 2002. - С.11-14.
51. Казаков, М.М. Проблема христианизации Римской империи // Исследования по зарубежной истории / М.М. Казаков. – Смоленск, 2000. – 344 с.
52. Казаков, М.М. Христианская церковь и Римская империя в IV в. / М.М. Казаков // Очерки истории христианской церкви в Европе (Античность, средние века, Реформация). – Смоленск, 1999. – С.28 - 36.
53. Казаков, М.М. Христианизация Римской империи в IV в. / М.М. Казаков. – Смоленск, 2002. – 312 с.
54. Карсавин, Л.П. История европейской культуры. Т. I: Римская империя, христианство и варвары / Л.П. Карсавин / Пер. с лит. Т. Алекнене; науч. ред., библиография А. Клементьева. – СПб.: Алетейя, 2003. – 336 с.
55. Карсавин, Л.П. Магнаты конца Римской империи: быт и религия / Л.П. Карсавин. - СПб., 1911. – 50 с.
56. Колосовская, Ю.К. Рим и мир племен на Дунае / Ю.К. Колосовская. – М., 2000. – 298 с.
57. Кипарисов, В. О свободе совести. Опыт исследования вопроса в области истории церкви и государства с I по IX вв. / В. Кипарисов. – М., 1883. Вып. 1. – С. 158–161.
58. Кнабе, Г.С. Понимание культуры в древнем Риме и ранний Тацит / Г.С. Кнабе // История философии и вопросы культуры / отв. ред. М.А. Лифшиц. – М.: Наука. 1975. – С. 62-130.
59. Козлов, А.С. Содержание конфликта Аспара и Льва I / А.С. Козлов // АДСВ. Вып. 11. – Свердловск, 1975. – С. 114 - 117.

60. Колобов, А.В. Римские легионы вне полей сражений / А.В. Колобов // Античность и средневековье Европы. – Пермь, 1994. – С. 38-47.
61. Колосовская, Ю.К. Некоторые вопросы истории взаимоотношений Римской империи с варварским миром / Ю.К. Колосовская // ВДИ. – 1996. – № 2. – С. 146-166.
62. Колосовская, Ю.К. Рим и мир племен на Дунае. I – IV вв. н.э. / Ю.К. Колосовска. – М.: Наука, 2000. – 298 с.
63. Коптев, А.В. Кодекс Феодосия и римский колонат: учеб. пособие / А.В. Коптев. – Вологда, 1996. – 212 с.
64. Копылов И.А. Церковь в системе организации власти и общества в Вандальской Африке (V—VI вв.): автореф. дисс. ... к.и.н. / И.А Копылов. – М.: ИВИ РАН, 2006. – 23 с.
65. Корсунский, А.Р. Вестготы и Римская империя в конце IV – нач. V в. / А.Р. Корсунский // Вестн. МГУ. Сер. IX. История. – М., 1965. – №3. – С. 98 - 102.
66. Корсунский, А.Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств: (до сер. VI в.) / А.Р. Корсунский, Р. Гюнтер. – М., 1984. – 396 с.
67. Курганов, Ф.А. Отношения между церковью и гражданской властью в Византийской империи в эпоху образования и окончательного установления характера этих взаимоотношений (353–566 гг.) / Ф.А. Курганов. – Казань, 1880. – 256 с.
68. Лазарев, С.А. Римская армия в период поздней империи / С.А. Лазарева // Античность и средневековье Европы. – Пермь, 1994. – С. 83 - 86.
69. Лашкарев, П. Отношение римского государства к религии вообще и к христианству в особенности (до Константина Великого включительно) / П. Лашкарев. – Киев, 1876. – С. 134–135.
70. Лебедев, А.П. Духовенство Древней Вселенской Церкви: От времен апостольских до IX в.: ист. очерки / А.П. Лебедев. – М., 1905. – 310 с.

71. Лебедев, А.П. Эпоха гонений на христиан и утверждение христианства в греко-римском мире при Константине Великом / А.П. Лебедев. – СПб., 1994. – 624 с.
72. Литовченко, Е.В. К образу Аполлинария Сидония: человек поздней античности / Е.В. Литовченко // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер. История. Политология. Экономика. – 2007. – Т.2. № 3. – С.53 - 57.
73. Майоров, Г.Г. Формирование средневековой философии. Латинская патристика / Г.Г. Майоров. - М: Мысль, 1979. - 431 с.
74. Махлаюк, А.В. Процесс «варваризации» римской армии в оценке античных авторов / А.В. Махлаюк // Античный мир и археология. – 2002. – Вып. 11. – С. 123–129.
75. Мотрошилова, Н.В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов / Н.В. Мотрошилова. – М.: РООИ «Реабилитация», 2010. – 464 с.
76. Неронова, В.Д. Вторжение варваров и крушение Римской Империи / В.Д. Неронова. – М.:Знание, 1983. –422 с.
77. Пржигодзкая, О.В. Религиозные отношения в поздней Римской империи и варвары / О.В. Пржигодзкая // Мнемон Исследования и публикации по истории античного мира / под ред. проф. Э.Д. Фролова. – СПб., 2006. – Вып. 5. – С. 455 – 462.
78. Ременников, А.М. Борьба племен Северного Подунавья и Поднестровья с Римом и ее роль в падении Римской империи / А.М. Ременников. – Казань, 1984. – 388 с.
79. Свенцицкая, И.С. Раннее христианство: страницы истории / И.С. Свенцицкая. – М., 1989. – 642 с.
80. Терновский, Ф.А. Грековосточная церковь в период вселенских соборов. Чтения по церковной истории Византии от императора Константина великого до императрицы Феодоры (312–842) / Ф.А. Терновский. – Киев, 1883. – 294 с.

81. Уколова, В.И. Античное наследие и культура раннего средневековья / В.И. Уколова. – М., 1989. – 312 с.
82. Уколова, В.И. «Последние римляне» и парадигмы средневековой культуры / В.И. Уколова // ВДИ. -1992. – № 1. – С. 38 – 41.
83. Уоллес-Хедрилл, Дж.- М. Варварский Запад. Раннее Средневековье 400-1000 / Дж.- М. Уоллес-Хедрилл / Пер. с англ. А.П. Санина. – СПб.: Евразия, 2002. – 224 с.
84. Томпсон, Э.А. Римляне и варвары. Падение Западной империи / Э.А. Томпсон; пер. с англ. Т.О. Пономаревой; под ред. М.Е. Килуновской. – СПб.: Издат. Дом «Ювента», 2003. – 288 с.
85. Чельцов, И.В. Внешнее положение церкви в первые три века христианства / И.В. Чельцов // Христианс. чтение. – 1859. – Ч. II – С. 140–146.
86. Чернявский, Н.Ф. Император Феодосий Великий и его царствование в церковно-историческом отношении / Н.Ф. Чернявский. – Сергиев Посад, 1913. – 848 с.
87. Andreassen, K.A. The nature of episcopal authority in fifth-century Gaul. / K.A. Andreassen - Thesis (B.A.) - Lake Forest College, 2010. – 138 p.
88. Arnheim, M.T.W. The senatorial Aristocracy in the Late Roman Empire / M.T.W. Arnheim. - Oxford: Clarendon, 1972. – 258 p.
89. Barlow, J. The success of the Franks: regional continuity in northern Gaul in late antiquity / J. Barlow. - Thesis (Ph. D.)--University of Sydney, 1994. – 366 p.
90. Bowersock, G.W. From emperor to bishop: The selfconscious transformation of political power in the IV-th century A.D. / G.W. Bowersock // Classical Philology. - 1986, vol.81, № 4. - P. 298-307.
91. Bowersock, G. W. Hellenism in Late Antiquity / G.W. Bowersock. -Ann Arbor, 1990. – 312 p.
92. Brown, R. Episkopê and episkopos: The New Testament Evidence // Theological Studies. Baltimore. – 1980. – Vol. 41. – P. 322-338.

93. Brown, P. *The World of Late Antiquity. AD 150-750* / P. Brown. – Thames & Hudson Ltd., 1989. – 216 p.
94. Breukelaar, A.H.B. *Historiography and episcopal authority in sixth-century Gaul* / A.H.B. Breukelaar. - Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1994. – 391 p.
95. Cameron, A. *The Mediterranean World in Late Antiquity. AD 395-600* / A. Cameron. L., 1993. – 294 p.
96. Campbell, R.A. *The Elders: Seniority within Earliest Christianity* / R.A. Campbell. –Edinb., 1994. – 344 p.
97. Cameron, A. *The Later Roman Empire, A.D. 284-430* / A. Cameron. – Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1970. – XVI. - 508 p.
98. Cameron, Av. *The Mediterranean World in Late Antiquity AD 395-600* / Av. Cameron. – L.-N.Y., 1993. – 446 p.
99. Chuvín, P. *Chronique des derniers païens* / P. Chuvín. P., 1990. – 344 p.
100. *Christianity in Late Antiquity, 300-450 C.E.: A Reader* / Ed. by Ehrman B.D., Jacobs A.S. - Oxford University Press, 2003. – 528 p.
101. Gilliard, F.D. *Senatorial Bishops in the Fourth Century* / F.D. Gillard // *Harvard Theological Review*. - 1984, № 77. - P.153-175.
102. Courtois, C. *Victor de Vita et son œuvre* / C. Courtois. – Alger, 1954. – P.7 11.
103. Cristiani, L. *Le rîns et ses fondateurs* / L. Cristiani L. – Saint-Wandrik, 1946. – 312 p.
104. Harnack, A. *Entstehung und Entwicklung der Kirchenverfassung und des Kirchenrechts*. – Lpz., 1910. – 284 p.
105. Hatch, E. *The Organization of the Early Christian Churches*. – L., 1881. – 321 p.
106. Hilgenfeld, A. *Die vorkatholische Verfassung der Christengemeinde außer Palästina* / A. Hilgenfeld // *ZWTh*. – 1890.- Bd. 33. – S. 223-245
107. Jones A.H.M. *The Later Roman Empire A.D* / A.H.M. Jones. – Berkeley, L., Los Angeles: Univ. of California Press, 1985. – P. 284-602

108. Liebeschuetz, J.H.G.W. Barbarians and Bishops: Army, Church and State in the Age of Arcadius and Chrysostom / J.H.G.W. Liebeschuetz. – Oxf.: Clarendon Press, 1992. – 336 p.
109. Marrou, H.-I. La valeur historique de Victor de Vita / *H.-I. Marrou* // Les cahiers de Tunisie. – 1967. – № 57—60. – P. 205—208.
110. Maxwell, J. Education, Humility and Choosing Ideal Bishops in Late Antiquity / J. Maxwell // Episcopal Elections in Late Antiquity / Ed. by Johan Leemans, Peter Van Nuffelen, Walter de Gruyter GmbH & Co. KG,. - Berlin/Boston, 2011. – P. 462-463.
111. Stark, A. Renouncing the World. Yet Leading the Church: The Monk-Bishop in Late Antiquity / A. Stark. - Harvard University Press, 2004. – 368 p.
112. Sumruld, W. Augustine and the Arians / *W. Sumruld*. – New Haven; London, 1994. – P. 29.
113. The Prosopography of the Later Roman Empire / A.H.M. Jones, J.R. Martindale, J. Morris. Vol. I. Cambridge, 1971. – 998 p.
114. The Prosopography of the Later Roman Empire / Martindale J.R. Vol. II. – Cambridge, 1980. – P. 842.
115. Thiering, B. E. Mebaqer and Episkopos in the Light of Temple Scroll // JBL. – 1981. – Vol. 100. – № 1. – P. 59-74.
116. Van Dam, R. Leadership and Community in Late Antique Gaul / R. Van Dam. – Berkeley, L., Los Angeles: Univ. of California Press, 1985. – 350 p.

Список сокращений

Amm. – Ammianus Marcellinus, ed. C. U. Clark. 2 vols. (Berlin, 1910, 1915).

CTh. – Кодекс Феодосия (Codex Theodosius)

Epiaph. – Епифаний Кипрский

Eun. – Eunapius. Historical fragments, ed. L. Dindorf, *Historici Graeci Minores* (Leipzig, 1870)

Greg. Tur. – Gregory of Tours. *Historia Francorum*, ed. B. Krusch and W. Levison,

ILC – *Inscriptiones Latinae Selectae*, ed. H. Dessau, 3 vols, (reprinted Berlin, 1954)

Joh. Mal. – John of Ephesus, transi. R. Payne Smith (Oxford, 1860)/

Lib/ – Libanius, ed. R. Foerster (Leipzig, 1903-1922)

MGH – *Merov.*, vol. I, part I (Hannover, 1951)

Oros. – Orosius. *Historia adversus Paganos*, ed. G. Zangemeister (Leipzig, 1882)

Philost. – Philostorgius. *Historia Ecclesiastica*, ed. J. Bidez (Berlin, 1913)/

Suid. – Suidas. *Lexicon*, ed. A. Adler (Leipzig, 1928).

Zos. – Зосима «Новая история». *Zosimus. Histories*, ed. L. Mendelssohn (Leipzig, 1887)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Римские епископы (папы) в IV – VII веках

1. Сщмч.Маркеллин (30 июня 296 - 24 октября 304)
2. Сщмч.Маркелл (27 мая 308 - 16 января 309)
3. Евсвий (18 апреля 309/310 - 17 августа 309/310)
4. Свт. Мальтиад (Мельхиад) (2 июля 311 - 10/11 января 314)
5. Свт. Сильвестр I (31 января 314 - 31 декабря 335)
6. Марк (18 января - 7 октября 336)
7. Иулий I (6 февраля 337 - 12 апреля 352)
8. Свт.Ливерий (17 мая 352 - 24 сентября 366)
9. Феликс II (антипапа) (355 - 358; 365.XI.22) - этот Феликс смешан с римским мучеником, носившим такое же имя, и упомянут как папа в Liber pontificalis.
10. Дамас I (1 октября 366 - 11 декабря 384)
11. Урсин (антипапа) (366 - 367)
12. Сириций (384.XII.15 - 399.XI.26)
13. Анастасий I 399.XI.27 - 401.XII.19
14. Иннокентий I 401.XII.22 - 417.III.12
15. Зосима 18 марта 417 - 26 декабря 418
16. Вонифатий I 418.XII.29 - 422.IX.4
17. Евлалий (антипапа) (29 декабря 418 - 419)
18. Свт. Келестин I (422 - 6 апреля 432)
19. Сикст III (31 июля 432 - 19 августа 440)
20. Свт Лев I Великий (29 сентября 440 - 10 ноября 461)
21. Иларий (19 ноября 461 - 29 февраля 468)
22. Симплиций 468.III.3 - 483.III.10
23. Феликс II 483.III.13 - 492.III.1
24. Геласий I 492.III.1 - 496.XI.21

25. Анастасий II 496.XI.24 - 498.XI.19
 26. Симмах 498.XI.22 - 514.VII.19
 27. Лаврентий (антипапа) (498, 501-505)
 28. Гормизд 514.VII.20 - 523.VIII.6
 29. Иоанн I 13 августа 523 - 18 мая 526
 30. Феликс III 526.VII.12 - 530.IX.22
 31. Вонифатий II 530.IX.22 - 532.X.17
 32. Диоскур (антипапа) (530.IX.22 - 530.X.14) - возможно, законный папа; умер спустя 22 дня после избрания.
 33. Иоанн II 2 января 533 - 8 мая 535
 34. Свт. Агапит I 535.V.13 - 536.IV.22
 35. Сильверий 536.VI.8 - 537.VI.11 — насильственно низложен в марте, отрекся 11 ноября, умер 2 декабря 537.
 36. Вигилий 537.III.29 - 555.VI.7 — был поставлен в качестве антипапы византийским полководцем Велисарием и признан в качестве папы после смерти Сильверия.
 37. Пелагий I 556.IV.16 - 561.III.4
 38. Иоанн III 17 июля 561 - 13 июля 574
 39. Венедикт I 575.VI.2 - 579.VII.30
 40. Пелагий II 579.XI.26 - 590.II.7
- Свт. Григорий I Великий (3 сентября 590 - 12 марта 604)

Приложение 2

**Религиозная принадлежность военачальников
варварского происхождения**

Христианство никейского толка	Арианство	Язычество
1. Модар, гот, IV в.	1. Гайна, гот, IV в.	1. Рихомер, франк, IV в.
2. Баутон, франк, IV в.	2. Аспар, алан, V в.	2. Арбогаст, франк, IV в.
3. Стилихон, вандал, IV/V вв.	3. Ардабур, алан, V в.	3. Фравитта, гот, IV/V вв.
	4. Рицимер, свев, V в.	4. Генерид, германец, V в.